

Вернер ШЮРБАУМ

ЦИЦЕРОН: DE RE PUBLICA

1. RES PUBLICA

Термин *res publica*¹ находится в центре моего исследования, потому что это важнейшее понятие, относящееся к государству императорской эпохи. О значении этого термина для римлян мы можем судить по определению Цицерона, которое он вкладывает в уста Сципиона Младшего в своем диалоге «О государстве»²:

¹ Мое исследование лишь в незначительной степени пересекается с геттингенской диссертацией Штарка «*Res publica*», потому что Штарк стремится проследить только «развитие (этого термина) приблизительно до начала I в. до н. э.» (с. 5 [= наст. изд., с. 7]). Важнее для меня, особенно для главы, посвященной Цицерону, работа Ханса Дрекслера «*Res publica*» (Maia 9/10, 1957/58), которая содержит массу примеров из Цицерона, относящихся к различным сферам применения *res publica* (и других сочетаний с *res*): «Похожий характер имеет работа Fulvio Crosara, *Concetto e ideale dello stato nel termine res publica secondo Cicerone*, *Ciceroniana* 1 2, 1959, 83–105, уточнение более развернутой работы того же ученого «*Respublica e respublicae*», 1948/1953.» Совсем иные цели преследует Фридрих Фиттингхоф в своей работе «*Römische Respublica*» (Gesch. in Wiss. u. Unterr. 8, 1957, 717–735), давая общую историческую картину важнейших сил римской республики, преимущественно периода до Гракхов. Чрезвычайно интересен анализ понятия и стадий развития римского государства, представленный Францем Виакером в работе «*Vom römischen Staat als Rechtsordnung*», Freiburg i, Br. 1949 <а также в его сборнике «*Vom römischen Staat*», Stuttgart 1961², 18–44>. (Здесь и далее в угловых скобках автор помещает свои дополнения, сделанные после написания основного текста. — Прим. ред.).

² Сис. гер. 1, 39. (цитирование здесь и далее по изданию Циглера).

Est igitur *res publica res populi*, *populus autem non omnis hominum coetus quoquo modo congregatus*, sed coetus multitudinis iuris consensu et utilitatis communione sociatus³ (Таким образом, *res publica* — это дело народа, а народ — это не всякая сходка, собранная вместе тем или иным образом, но соединение множества людей, связанное согласием по поводу права и общностью пользы).

Об этом римском государственном понятии, на мой взгляд, лучше всего сказал Хайнце⁴:

Res publica — это словосочетание мы переводим обычно словом «государство», и во многих случаях этот перевод оказывается почти верным, но он ни в коем случае не является эквивалентным. Для римлянина *res publica* идентична *res populi*, «вещи» народа, но в гораздо большей степени под *res populi* понимается не конкретное имущество, а некое абстрактное общенародное «дело», включающее в себя все интересы народного сообщества. Мне же само появление этого понятия, вошедшего в плоть и кровь каждого римлянина, представляется верным признаком ярко выраженного и весьма своеобразного римского государственного сознания. Естественность, с которой в этом слове выражается, что народ имеет общие интересы, касающиеся каждого члена общества, образование абстрактного понятия, в котором заключается все, что касается жизни сообщества, предполагают такой уровень политической сознательности, на который едва ли был способен какой-либо другой народ, находящийся на такой относительно примитивной стадии развития. Проводимое здесь разделение между «народом» и «народными интересами» является лишь на первый взгляд незначительным, на самом деле оно очень важно.

Учитывая место цicerоновского определения⁵ в самом начале рассуждений о сущности государства и частого обращения к нему

³ Уравнивание *res publica* — *res populi* часто встречается в De re publica: 1, 41. 43. 48; 3, 43. (44.) 45. (46); ср. также Hackelsberger, Staatslehre Ciceros, 20 A67. И наоборот, *res populi* употребляется в значении *res publica* в 1, 48; 3, 43.

⁴ Richard Heinze, Von den Ursachen der Größe Roms (ректорская речь в Лейпциге, 1921), в его сборнике «Vom Geist des Römerums», изд. E. Burck, Darmstadt, 1960³, 12 f.; ср. Lombardi, Concetti, 202, A2.

⁵ Нельзя, однако, совершенно оставлять без внимания то, что здесь мы имеем дело все-таки лишь с одним из определений *res publica* Цицерона, пусть и с оче-

в ходе дискуссии, можно сделать вывод, что Цицерон постарался дать хорошо продуманное определение *res publica*. Поэтому для понимания государственной терминологии Цицерона необходимо более подробно рассмотреть это определение.

В определении Цицерона⁶ мне кажутся наиболее характерными два момента:

— с одной стороны, его предметный и вместе с тем абстрактный характер, который выражается в *res*⁷,

— с другой стороны, его личностный характер, выражающийся в *populus*.

Эрнст Майер⁸ придает особое значение слову *res* в определении Цицерона. Но и он сразу оговаривается, что и греческое⁹, и римское

видно самым главным. С государственно-правовой точки зрения это определение несомненно является важнейшим, можно даже сказать, что это единственное определение, задуманное как таковое. Поэтому вполне обоснованным представляется исходить именно из него в исследованиях понятия *res publica* в труде Цицерона о государстве. Но при этом необходимо иметь в виду и те места, в которых Цицерон дает «некоторые прямые и косвенные определения *res publica*», собранные воедино Дрекслером в работе *Res publica*, 270 f. [= наст. изд., с. 162 слл.] Особенно в пассаже р. red. ad. Quir. 14 и leg. 3,41 дается картина политической реальности, в которой существовало понятие *res publica*, а не изложение государственно-философской теории. Менее ценна для нас работа: Pius Niederberger, *Die Staatstheorie Ciceros im Spiegel seiner Reden*, Wiss. Beilage Zum 104. Jahresbericht der Stiftsschule Einsiedeln im Studienjahr 1942/43, который лишь в последней трети своего сочинения (73 ff.) рассматривает важнейшие фрагменты первой книги *De re publica* (ср. на эту тему также Hackelsberger, *Staatslehre Ciceros*, 42 ff.).

⁶ Оно представляет собой по сути дела лишь объяснение этимологии понятия *res publica*; ср. Hackelsberger, *Staatslehre Ciceros*, 20 [и Pahnke, 95 ff.].

⁷ «Абсолютно римскому слову *res* нельзя дать точное определение. Это сущности, то есть предметы, касающиеся народа. В это понятие входит, конечно, имущество, но не в меньшей степени и моральное состояние. Определение Цицерона появилось не так «спонтанно», как это было у греков, а на базе четких представлений, которые не являются предметом споров» (Büchner, *rep.-Üb.*, Einl., 20). Прекрасный подбор материала на различные значения *res* мы находим у Дрекслера, *Res publica*, 249 ff. [= наст. изд., с. 69 слл.].

⁸ Meyer, *Staatsgedanke*, 250 ff. В связи с дальнейшими рассуждениями ср. также, что сказано на с. 173 об отношении Августина к определению государства Цицерона.

⁹ Именно Эрнст Майер сделал сравнение с греческим полисом плодотворным для понимания римского понятия *res publica*. Основополагающим здесь является его статья об *Eumysia*, мысли из которой представлены в его объемной книге (*Staatsgedanke*, 261 ff.) лишь в сокращенной форме. В связи с двумя упомянутыми работами ср. интересную рецензию Л. Виккерта: *Gnomon* 23, 1951, 435–440.

1. *Res publica*

[*RES-PUBLICA*]

понятие государства ориентировано на народ. Официальный римский термин для обозначения государства — это не *res publica*, а *populus Romanus*¹⁰, в официальных документах как правило расширенный до *senatus populusque Romanus* (SPQR) (сенат и римский народ)¹¹. Этот личный характер римского государства особенно отчетливо виден на примере сферы действия римского права: она «привязана к личной сфере римских граждан, а не к римской территории»¹². В римском понятии государства вообще не учитывается страна, территория, населенная гражданами¹³. Римское государство еще долгое время после возникновения империи было государством-общиной, а не государством-империей¹⁴. На протяжении столетий *res publica Romana* состояла не из всех жителей империи, а лишь из полноправных членов *civitas Romana*, т. е. *cives Romani*¹⁵. *Res publica Romana* распространялась на все места империи, где находились обладатели рим-

¹⁰ В этом едины все исследователи римского конституционного права. Я приведу лишь важнейшие цитаты:

Mommsen, St.-R. III ^{3/4}, 3: «*populus* — это государство, поскольку оно базируется на национальном единстве людей». Такая интерпретация представляется сомнительной; в определении *res publica* и связанном с ней определении *populus* национальный элемент не играет никакой роли. Оспаривая такой взгляд Моммзена на понятие *populus*, Любтов (Römisches Volk, 477) обоснованно указал на то, что в основе определения Цицерона лежит не этническое, а политическое понятие народа. Даже если мысль об общности происхождения этого народа и не была чужда Цицерону (ср. Verr. II 5, 172; Lübtow, 477), то тем более значимо то обстоятельство, что он не включил этот аспект в свое определение государства.

Lübtow, Röm. Volk, 469: «В тех случаях, когда мы сейчас говорим о государстве как юридическом понятии, римляне говорили, как правило, о *populus*. С учетом этого становится понятной фраза: римское государство — это римский народ». Süber, Röm. Verf., 10: «Государство именуется, согласно принятой у римлян формулировке, *populus Romanus*, т. е. совокупность граждан, имеющих политические права... с правом голоса на народных собраниях».

Kunkel, Röm. Rechtsgesch., 19: «*Populus Romanus* являлся техническим определением римского общества, пока существовала республиканская традиция, т. е. и в императорскую эпоху».

¹¹ Kunkel, Röm. Rechtsgesch., 19.

¹² Meyer, Staatsgedanke, 251.

¹³ Ср. Stark, Res publica, 6, A2 и ограничения на с. 10 с прим. 32 и с. 14 [= наст. изд., с. 8 и прим. 2; с. 17 прим. 32, с. 18 сл.].

¹⁴ Ср. Gelzer, Staat I, 6 ff. (Gemeindestaat und Reichsstaat in der römischen Geschichte).

¹⁵ «Римское право не распространялось на иностранцев, находившихся на римской территории, но распространялось при этом на римских граждан за границей во всей своей полноте»: Meyer, Staatsgedanke, 251.

ского гражданства. Таки образом, это было (говоря в терминах средневековой истории государственного устройства) «государство личного союза»¹⁶. Кинкель особенно выделяет этот личный момент в римском понятии государства. Он считает, что для римлян государство никогда не было столь деперсонифицированным, каким оно является сейчас для нас. «Для них государство было не абстрактной властью, которое регулирует жизнь индивида, а сообществом индивидов, самих граждан государства»¹⁷.

Но несмотря на столь важную роль личного элемента в цецероновском определении *res publica* мы должны вместе с Хайнце¹⁸ и Майером помнить, что «римский народ и римское государство — это не одно и то же. И этим римское понимание государства коренным образом отличается от греческого, согласно которому государство это не что иное как совокупность граждан»¹⁹. *Res publica* противопоставляется *res privata*, «делу отдельного человека»²⁰, поэтому мы должны понимать *res publica* как «совокупность дел и интересов народа в целом». Таким образом, «государство» представляет собой в римском мышлении абстрактное понятие²¹.

¹⁶ Майер (Eumusia, 37) употребляет (применительно к греческому государству, что может быть перенесено и на римское государство) выражение «личный союз» (Personalverband. — Прим. перев.).

¹⁷ Kunkel, Röm. Rechtsgesch., 18 f.

¹⁸ Ср. выше с. 172.

¹⁹ Meyer, Staatsgedanke, 251, более подробно в Meyer, Eumusia, 45 f. В своем описании римского государственного строя Майер исходит из спорной предпосылки, что *res publica*, т. е. «дело народа», является латинским выражением понятия «государство». Однако в действительности (ср. выше прим. 10, с. 174) римским термином для обозначения государства является *populus Romanus*. Поэтому теория Майера не является верной для римского государственного устройства в целом, а только для понятия *res publica*, которое я сейчас и изучаю (ср. ниже прим. 28 и 29, с. 179). Моя работа не подразумевает рассмотрения выражения *populus Romanus*.

²⁰ Полярность *res publica* и *res privata* подчеркивает также Любтов, Röm. Volk, 236, который в примечании 674 приводит и другие литературные сведения; ср. на эту тему Stark, Res publica, 17 ff. и Gelzer, Staat I, 8; также Lombardi, Concetti, 203, Büchner, rep-Üb., 20 f. и из последнего Drexler, Res publica, 253 f. [= наст. изд., с. 75 слл.], который разрабатывает и отдельные семантические нюансы *res privata* (владение, интересы, обстоятельства, отношения).

²¹ L. Wickert, Gnomon 23, 1951, 439, возражает на это, отмечая, что «определенная *res* не может быть чем-то совершенно абстрактным». Исходя из этого предположения, он оспаривает (на мой взгляд, несправедливо) выводы, которые Майер

1. Res publica

[RES-PUBLICA]

При таком понимании особенно подчеркивается роль *res*²² в определении *res publica*; Штарк же большее значение придает сло-

делает из этого абстрактного характера понятия *res publica* (ср. ниже прим. 29, с. 179). Очевидно, что *res publica* не является абстрактным понятием в том смысле, как, например, *Pax Augusta* (сравнение, приводимое Виккертом); но понятие *res publica* в то же время не идентично понятию *populus*. В противном случае римляне могли бы спокойно обходиться выражением *populus* для обозначения римского общества. Если они создали конструкцию *res populi* (= *res publica*), нельзя просто приравнивать этот термин к *populus*. По этой причине и Хакельсбергер (*Staatslehre Ciceronis*, 37 ff.) совершает, на мой взгляд, методическую ошибку, когда постоянно ставит знак равенства между *populus* и *res publica* и затем объясняет цicerоновскую концепцию государства исключительно на основе понятия *populus*. (Естественным образом ему приходится затем выдвигать чисто персональную версию римского «государства», призывая в свидетели Cic. off. 1, 124 est igitur proprium munus magistratus intelligere se gerere personam civitatis (итак, тавная обязанность магистрата — понимать, что он представляет лицо *civitas*). Такой взгляд является верным в той степени, в которой он ограничивается понятием *populus*; но он уже оказывается неверным в отношении *res populi* и *res publica*. Об «абстрактном» понятии *res publica* говорят также Зибер, Röm. Verf., 10 («Государство именуется *res publica*, абстрактно понимаемое как институция») и Ломбарди, Concetti 202 («абстрактное понятие для „устройства *populus*“»).

²² *Res publica* постепенно проделала путь от конкретного значения «дело народа» (в отличие от *res privata*) к абстрактному значению «организация народа». Такой путь является, конечно, чисто гипотетическим; мы не можем подтвердить его имеющимся языковым материалом. Дрекслер (*Res publica*, 247 f. [= наст. изд., с. 67–68]) обоснованно возражает Штарку (*Res publica*, 5 [= наст. изд., с. 71]), что уже в одном из древнейших латинских литературных памятников (у Невия, Praetext. 7) фигурирует «застывшее значение „государство“», а с другой стороны, конкретное значение («дело народа») сохраняется «по меньшей мере до Цицерона и Саллюстия» (Drexler, 248); вместе с тем Штарк, 35 [= наст. изд., с. 47] указывал на то, что превращение *res publica* в четкий термин «государство» должно было завершиться до Плавта. Ломбарди (Concetti, 203) считает кульминацией этой «абстракции» «персонификацию» *res publica*, которую Штарк рассматривает в (неудачно озаглавленном) разделе «*Res publica* и черты индивидуальной жизни» (Stark, 32 ff. [= наст. изд., с. 42 слл.]; ср. Drexler, 2 ff. [= наст. изд., с. 120 слл.]). Персонификация (и вместе с тем личный аспект) *res publica* имеет, однако, свои границы: *res publica* никогда не выступает в роли субъекта права; в качестве носителя государственно-правовых функций, например, в договорах обычно выступает *populus Romanus*. Таким образом, персонификация *res publica* имеет лишь «*valore essenzialmente retorico e impressioniste*» (риторическую и стилистическую ценность), а не юридическое значение: Lombardi, Concetti, 203; ср. Stark, *Res publica*, 35 [= наст. изд., с. 46]; Drexler, *Res publica*, 4 [= наст. изд., с. 122]. Возражения Ломбарди (Concetti, 204, N1) против концепции Розенберга, интерпретирующей *res populi* как «собственность народа», на мой взгляд, необоснованны. Розенберг (RE, s.v. *res publica*, 635) утверждает: «Это понятие [*res publica*] может приближаться к нашему „государству“, но оно никогда не совпадает с ним полностью. „Государство“ является в первую очередь субъектом права; оно может владеть и распоряжаться. А *res publica* не может владеть ничем, поскольку она сама является соб-

ву *populus*²³. Он считает, что Цицерон «намеренно начал свою работу с этимологизирующего определения²⁴, позаимствованного у Вар-

ственным *populus*». Эту интерпретацию Розенберга Дрекслер (*Res publica* 267 ff. [= наст. изд., с. 113 слл.]) опровергает множеством примеров. Такие обороты, как *rem publicam augere* (увеличивать государство), *rem publicam amittere* (терять государство) и т. п. (большое количество примеров у Дрекслера, 267 [= наст. изд., с. 113 слл.]) показывают, что «никак нельзя упускать из виду составляющую “владения”» (там же). В конце концов, и разработанное Штарком (39 f. [= наст. изд., с. 39 слл.]) значение «имущество общины» (множество примеров, особенно у Дрекслера, 268 f. [= наст. изд., с. 113 слл.]) является подтверждением тому, что наряду с абстрактным значением «государство» продолжает существовать и совершенно конкретное понимание *res publica* как «государственной казны, государственной собственности».

Менее весомыми аргументами в пользу вещественного характера *res publica* мне кажутся пассажи, приводимые Дрекслером (271 [= наст. изд., с. 98 слл.]), с помощью которых он пытается доказать далеко идущее утверждение: «Если *res publica* — это владение, то им можно завладеть» (там же). Не говоря уже о том, что многие из этих мест не свидетельствуют в пользу такой «посессивной» интерпретации, следует указать на то, что в большинстве случаев глаголами *rem publicam possidere, occupare, repetere* (владеть, захватывать, требовать назад государство) и т. п. обозначается незаконное «овладение» *res publica*. Если бы *res publica* действительно стало владением отдельного человека или партии, т. е. превратилось бы в *res privata*, то оно утратило бы тем самым свою сущность (что далее отмечает и Дрекслер (278 [= наст. изд., с. 115 слл.])).

Против разделяемого мною утверждения Розенберга, что *res publica* представляет собой владение и не может поэтому выступать в качестве субъекта права, владельца, свидетельствуют, казалось бы, собранные у Дрекслера (276 [= наст. изд., с. 112 слл.]) примеры, в которых *res publica* действительно является в роли владельца. Однако они не обладают государственно-терминологическим значением. (Исключением здесь является, пожалуй, *Cic. Phil. 10, 14: tenet igitur res publica Macedoniam, tenet Illyricum, tuetur Graeciam; nostrae sunt legiones... maximeque noster est Brutus* (итак, *res publica* удерживает Македонию, удерживает Иллирик, удерживает Грецию; нам принадлежат легионы ... в особенности нам принадлежит Брут); но мне все же представляется, что *res publica* имеет здесь уже побочное значение «республика» и употребляется не как юридический термин, а как риторическая эмфаза). Дрекслер сам настойчиво указывает на то, что при подобной персонификации *res publica* «следует проводить различие между чистым образом или сравнением и *res publica* как юридическим лицом» (Drexler, 2 [= наст. изд., с. 120]). Он приводит множество примеров такой образной персонификации; в остальном он соглашается со Штарком: «...*res publica* — это так или иначе лишь *res*. Даже в самых смелых оборотах сохраняется осознание того, что речь идет о метафоре. Штарк совершенно прав, когда говорит на с. 35: “Ее (*res publica*) все же никогда не воспринимали как действующее лицо, как носителя государственно-правовых функций”» (Drexler, 4 [= наст. изд., с. 122]).

²³ Stark, *Ciceros Staatsdefinition*, 1954, 58, где автор развивает положения своей диссертации (Stark, 1937, 3 [= наст. изд., с. 7 слл.]).

²⁴ В своей диссертации (6 [= наст. изд., с. 8]) Штарк доказывает с помощью приме-

1. *Res publica*

[*RES-PVBICA*]

рона, чтобы уравнивать государство и народ; должно было появиться уравнение: государство — это народ»²⁵.

Корни этого противоречия²⁶, когда Майер подчеркивает абстрактный, или, если угодно, вещественный, аспект римского понятия государства, а Штарк — личный аспект, я вижу в том, что Майер

ров из Плавта, что формула *res publica = res populi* является «старинной и общеизвестной», а определение Цицерона происходит из «живого языкового сознания». Бюхнер, *гер.-Üb., Einl.*, 20, также говорит о «живой народной этимологии». Гельцер (*Staat I*, 8, A10) доказывает на материале нескольких надписей, что *publicus* (др.-лат. *poplicus*) является прилагательным, производным от *populus*; по крайней мере, его так действительно воспринимали. Единственная сложность заключается в объяснении долготы *u* в слове *pūblicus* в отличие от краткого *o* в *pōpulus*; ср. Drexler, *Res publica*, 248 f. [= наст. изд., с. 69] со ссылкой на Вальтера Порцига, *Gymnasium* 63, 1956, 325 f.

²⁵ Stark, *Staatsdefinition*, 58. Не углубляясь пока в относительное придаточное предложение, с помощью которого Цицерон в *гер.* 1, 39 уточняет понятие *populus*, укажем на его основное содержание: «В то время, когда появилась *res publica*, *populus* был для римлян народом в политическом, а не в этническом смысле, сообществом политически самостоятельных граждан, и это понятие было для них неразрывно связано с представлением о собрании всей общины»: Gelzer, *Staat I*, 8; ср. также Hackelsberger, *Staatslehre Ciceros*, 22 и выше прим. 10, с. 174. То обстоятельство, что Цицерон называет государство народным, но понимает при этом под народом, «как и все римляне, не всю совокупность италийских народностей, созданную природой и историей, а сообщество граждан государства, которое фиксируется юридически и в любой момент может быть произвольным образом расширено» (Vogt, *Cic. Glaube*, 67), имеет большое значение для политического сознания Цицерона. (Относительно мнения Фогта заметим, что он явно преувеличивает мысль о «народе»: в общем определении государства Цицерон не мог говорить об италийских народностях.) Хотя римский кризис того времени в действительности являлся не более чем кризисом аристократии, сенатского правления, Цицерон называет его государственным кризисом. Хотя он и говорит о *populus Romanus*, но не придает ему должного политического значения (об этом хорошо написал Vogt, 67; ср. также Sprey, *Cic. polit. doctrina*, 167). Точка зрения Х.Д. Майера (*Cic. Und das Reich*, 55), согласно которой *populus* в определении Цицерона «принадлежит исключительно городу Риму», кажется мне ошибочной интерпретацией сути цицероновского определения государства. Хотя оно и базируется, несомненно, на воззрениях римского политика Цицерона, однако наполнено также и греческим философским духом и предназначено для описания не только римского, но и других государств (сходные мысли см. Hackelsberger, *Staatslehre Cic.*, 24). Какой смысл имело бы тогда размышление на тему, является ли родосское государство *res publica*, которое мы видим в конце III книги (*гер.* 3, 48)?

²⁶ Убедительное решение нашел Любтов, *Röm. Volk*, 473 f. (короткая четвертая глава «Народ и государство», 469–477 — одна из лучших в этом объемном произведении, см. Konrad Gries, *Latomus* 16, 1957, 111). Сначала Любтов дает описание обеих современных концепций юридического статуса *res publica*. Согласно одной из этих концепций, *res publica* само по себе недееспособно и нуждается в представителях в лице магистратов; согласно другой, *res publica* активно действует

просто приравнивает *res publica* к многослойному понятийному комплексу, который мы называем «государством», и тем самым ошибочно объявляет *res publica* государственным термином²⁷.

Но хотя тезис Майера об «абстрактном понятии» римского государства и является неверным²⁸, это не отменяет его дальнейших выводов относительно понятия *res publica*²⁹.

через свои органы (магистраты), то есть оно персонифицируется. Любтов полагает, что римляне изначально понимали *populus* как «видимое множество отдельных граждан». И лишь постепенно, с развитием способности к абстрактному мышлению, представление о множестве превратилось в представлении о единстве, «но без абсолютного доминирования абстракции с отрывом от реальных представителей общины» (Lübtow, Röm. Volk, 474). Отсюда и происходит меняющаяся терминология, «двойное обозначение *populus* как общности граждан и *res publica* как невидимого единства общих интересов». Иными словами: *populus* и *res publica* (если я правильно понимаю Любтова) не различаются по своей природе, а являются терминологическим выражением абстрагирования, более (*res publica*) или менее (*populus*) сильного. «Абстрактная» или «личная» концепции римского государства являются по сути своей лишь различными аспектами одного и того же объекта («государства») на различных стадиях абстрагирования.

²⁷ Meyer, Eumusia, 46: «*populus Romanus* не исчерпывает римское государство, как Ἀθηναῖοι (афиняне) являются афинским государством; над ним располагается понятие *res publica* ... общность дел и интересов народа ... то есть абстрактная идея вместо греческого союза личностей».

²⁸ Против этого можно повторить за Kunkel, Röm. Rechtsgesch., 19, A5, что *res publica* не было «техническим наименованием государства как такового», а обозначало «дела (или даже имущество) *populus*, т. е. государства». Ср. также Lübtow, Röm. Volk, 469: «Неверно переводить *status rei Romanae* или *res publica* латинским по происхождению словом Staat (государство. — Прим. перев.). *Res publica* означает просто общественные интересы и институты, а *status rei publicae* — организованный порядок этих институтов, направленный на выполнение стоящих перед ними задач».

Правда, Кункель признает, что «употребление этого слова (*res publica*) у авторов поздней республики и в императорскую эпоху зачастую приближается к современному понятию государства» (19, A5). Но все же изначально и «на протяжении всего существования республиканской традиции, т. е. и в императорскую эпоху» (Kunkel, 19), и это следует подчеркнуть (ср. выше прим. 10, 173–174), основным римским выражением для государства было *populus Romanus*. На самом деле и определение *res publica* Цицерона непосредственно отсылает нас к определению *populus*, «государственного народа» (*Staatsvolk*. — Прим. перев.). В этом отношении обоснованным является мнение Штарка (*Staatsdefinition*, 59): «государство — это общность граждан (а не отдельных групп и лиц), имеющих право на политические действия».

²⁹ Поэтому нападки, например, Виккерта (Gnomon 23, 1951, 439) на абстрактную концепцию государства Майера могут рассматриваться только применительно к римской идее государства вообще, но не к понятию *res publica* (ср. выше прим. 21, с. 176).

1. *Res publica*

[RES-PUBLICA]

Из абстрактности понятия *res publica* Эрнст Майер³⁰ делает важные выводы, которые следуют уже из одного словосочетания *res publica* (= *res populi*), даже без учета пояснительного придаточного предложения. В основе абстрактной формулировки «единство дел и интересов всего народа» лежат следующие моменты:

1. С теоретической точки зрения безразлично, кто входит в данный народ и насколько многочислен этот государственный народ³¹.

2. С теоретической точки зрения безразлично, «каким образом осуществляется выявление и реализация интересов и дел народа». Таким образом, *res publica* не привязана изначально к одной определенной, «республиканской» форме правления.

3. С теоретической точки зрения безразлично, какая территория контролируется этим государственным народом³².

Для всех этих трех тезисов принципиальным является слово «теоретический»; ибо в политической действительности было отнюдь не маловажно, кто именно был членом государственного народа, какую форму правления имело римское государство и какой тер-

Выражение *populus Romanus* играет, на мой взгляд, для авторов императорской эпохи лишь второстепенную роль. Оно употребляется, в первую очередь, тогда, когда римское государство выступает как правовой субъект, например, в отношении наследства иностранных царей и при заключении договоров от имени государства. А в остальном доминирует термин *res publica*, в частности, и для организации *populus* в виде «государства».

Мне думается, что авторы «истории римского права» слишком односторонне ориентируются на юридическое словоупотребление, для которого их построения, возможно, и являются совершенно верными. Я же придерживаюсь взгляда Майера и считаю оправданным в описании римской концепции государства (как Хайнце) исходить из понятия *res publica*, а не *populus Romanus*. Поэтому исследование понятия *res publica* является, на мой взгляд, вкладом в самую общую римскую концепцию государства.

³⁰ В дальнейшем ср. Meyer, Staatsgedanke, 251 (также приведенные ниже цитаты) и Eumusia, 46 ff.; также Lombardi, Concetti, 203 f.

³¹ Само собой разумеется, что *res publica* может существовать только там, где имеется народ (*populus*), т. е. его не может быть при абсолютной монархии типа восточной деспотии.

³² Этот пункт, отсутствующий у Майера, добавлен мною по Stark, Res publica, 6, A7 [= наст. изд., с. 48] (ср., однако, также и Meyer, Staatsgedanke, 251, цитата выше на с. 174). В свою очередь Хаккельсбергер, Staatslehre Cic., 49 f., подчеркивает значение государственной территории для государственности народа. Разумеется, это верно применительно к политической действительности, но не к государственно-теоретическим взглядам Цицерона.

риторией оно обладало. Но эти три признака понятия *res publica* имели важнейшие исторические последствия.

1. *Res publica Romana* могла постоянно и беспрепятственно расширять число своих граждан, распространять таким образом свою власть в мире и не терять при этом своих глубинных основ. Для греческого полиса было бы невозможным такое расширение из-за его структуры — структуры сообщества граждан³³.

2. Не являлось обязательным, чтобы народ сам управлял своими делами³⁴; в противном случае *res publica* должна была бы иметь всегда форму демократии³⁵. В качестве форм *res publica* возможны

³³ По крайней мере Платон и Аристотель придерживались мнения, что государство не может превышать определенных размеров. На них опирается Майер в своих исследованиях греческого понятия государства, которому он приписывает исключительно персональный характер (Eumusia, 33 ff., особенно 36; краткое изложение у Виккерта (Gnomon 23, 1951, 437)). Однако стоическое определение государства (SVF III 329; ср. также Büchner, Studien II, 77 f.) как «множества людей, проживающих на общей территории, которые подчиняются одному закону» (Stoa und Stoiker, einglt. u. üb. von Max Pohlenz, Zürich, 1950, 141) может охватывать уже и эллинистические, т. е. «территориальные», государства (согласно Max Pohlenz, Die Stoa, Göttingen 1959, I, 139) и предвосхищает, таким образом, римское *res publica*. Следовательно, майеровская концепция «естественной» ограниченности греческого полиса может быть принята только с ограничениями.

³⁴ Siber, Röm. Verf., 2 называет заимствование римского понятия для обозначения современных республик «недоразумением и злоупотреблением» — ибо *res publica* означало «в Риме не республику, а просто государство».

³⁵ Совершенно верно рассуждает на эту тему Хаккельсберггер (Staatslehre Cic., 25): «Цицерон положил свое понятие государства в основу не только демократии, но государства вообще».

Таким образом, демократию «не следует отождествлять с его понятием государства; это определение можно использовать и при рассмотрении монархии и аристократии». Все три формы государственного устройства объединяются общим понятием *status rei publicae* (у Хаккельсберггера (26–30) мы видим правильные результаты, несмотря на ложные предпосылки).

Уже «идеальное государство» Цицерона, представляющее собой «смешанную» форму государственного устройства, показывает, что демократия как форма государства (или правления) не была для Цицерона единственно возможной; она даже не была предпочтительной.

Против однозначной привязки *res publica* к «республике» или «демократии» говорит и то наблюдение, что это понятие очень часто может иметь общее значение «форма государства, государственного устройства» (самым убедительным доказательством этого является часто встречающееся объединение отдельных государственных форм — демократии, аристократии и монархии — под общим понятием *status rei publicae*), особенно если оно (как это очень часто наблюда-

любые формы государственного устройства³⁶ — и именно поэтому становится понятным, почему Цицерон так ожесточенно спорит на тему государственного устройства в первой книге *De re publica*:

ется в *De re publica* Цицерона) представляет собой перевод греческого πολιτεία (государственное устройство) (ср. Drexler, *Res publica*, 265 [= наст. изд., с. 95–96]).

В слишком узком толковании термина *res publica* заключается, судя по всему, и причина разногласий относительно правомочности употребления этого слова применительно к принципату. Те исследователи, которые отказывают Августу в праве называть форму своего государства *res publica*, пользуются более узким пониманием *res publica* у «республиканской» оппозиции ранней императорской эпохи и оставляют без внимания, что *res publica* может быть обобщенной πολιτεία. Когда Дрекслер (*Res publica*, 265 f. [= наст. изд., с. 96]) даже такие обороты, как *popularis res publica* (Cic. *rep.* 3, 48) и *regalis res publica* (Cic. *rep.* 3, 47), называет «в принципе невозможными комбинациями», свидетельствующими о том, «как далеко зашел процесс абстрагирования», он явно делает свой вывод на основании того толкования *res publica*, которое признает использование этого термина только для демократии. Но когда тот же Цицерон, который неоднократно подчеркивает этимологическое тождество *res publica* = *res populi*, затем не проявляет последовательности в равнозначном использовании этих терминов и даже порождает такой, на первый взгляд, тавтологический оборот, как *popularis res publica*, — это демонстрирует неопределенный характер понятия *res publica*, которое не было четким термином для описания демократического государства.

Уже задолго до Цицерона в этимологии *res publica* = *res populi* элемент *populus* утратил свое изначальное значение; по крайней мере *res publica* стало понятием, четким термином со значением «государство»: в противном случае нельзя было бы объяснить тавтологический оборот *res publica populi Romani Quiritium*, сохранившийся в архаичных формулах у Liv. 22, 10, 2 (ср. Liv. 8, 9, 8, а также издание Ливия Arn. Drakenborch, Stuttgart, 1822 для 8, 9, 8 и 9, 26, 8) и Varro LL. 6, 86. Ср. относительно этих источников Stark, *Res publica*, 34 [= наст. изд., с. 45].

³⁶ Ту же самую идею мы видим в работе Philipp, *Polit. Wortstudien*, 124, автор которой подчеркивает независимость идеи *res publica* от конкретной формы государственного устройства.

И вот теперь становится понятно, почему ведется так много споров именно вокруг вопроса о форме государства в Cic. *rep.* I: этот вопрос не был решен одним лишь понятием *res publica*! У Платона в «Государстве» вопрос формы государственного устройства имеет второстепенное значение; он становится актуальным только в «Законах»; ср. на эту тему Pöschl, *Röm. Staat*, 10, A1. Я не могу принять и объяснение Хаккельсбергера (30, ср. 26), который полагает, что аристократия или монархия потому являются *res publica* = *res populi*, что *potestas* аристократов либо царей переданы им народом. Судя по всему, идея «народного суверенитета» не была близка Цицерону (несмотря на leg. 3, 28 и leg. agr. 2, 17) [ср. Lübtow, *Röm. Volk*, 193, 242, 249, 487], хотя эта идея в качестве революционного лозунга появилась уже в период Трахнов: Wirszubski, *Libertas*, 47 ff.; Lübtow, 338, 487. Ср. ниже прим. 143, с. 227.

<Ср. также Karl-Hermann Mühlhaus, *Das demokratische Element in Ciceros Mischverfassung*, jur. Diss. München, 1964, особенно 14 ff.>

Вернер Шюрбаум Цицерон: *De re publica*

[RES-PUBLICA]

этот вопрос вовсе не решался через само понятие *res publica* в пользу демократии — исключалась только абсолютная³⁷ монархия, поскольку она по сути своей превращает государство из *res publica* в *res privata* (правителя)³⁸. А правление императора, который чувствовал себя представителем народа и действовал в интересах народа, вполне согласовывалось с понятием *res publica*³⁹. Именно это обстоятельство сделало возможным использование слова *res publica* и применительно к государству императорской эпохи. Поэтому я считаю, что неверной является точка зрения, будто употребление слова *res publica* в эпоху принципата являлось некорректным расширением его значения. В понятии *res publica* не содержится указания на то, что интересы народа должны определяться самим народом, они должны в принципе определяться⁴⁰. На мой взгляд, мы

³⁷ Тезис Майера (Staatsgedanke, 251 f.) о том, что «только монархия отрицает *res publica*, поскольку римлянин мог, на основании своего исторического опыта, понимать под монархом исключительно единоличного правителя, и, следовательно, подобное государство было для него “делом одного”, а не народа», можно принять только с тем ограничением, что он справедлив лишь для абсолютной монархии. На тему теоретической совместимости «чистой» монархии (*regnum*) с *res publica* см. ниже.

³⁸ Исключаются, разумеется, и все аномальные формы. Не только тиран, но и *factio* превращает *res publica* по сути в свою собственность, т. е. свою *res privata*. *Res publica* в узком значении «республика» появляется, вероятно, именно в результате противопоставления истинного государства и тирании; см. также Drexler, *Res publica*, 278 [= наст. изд., с. 116].

³⁹ Вопрос о применимости термина *res publica* к императорской эпохе представляется сложным и противоречивым. «Спор о том, существовала ли при правлении императоров *res publica*, связан с основным вопросом римской истории» (Gelzer, *Staat I*, 8). По сути он связан с отношением к перестройке государства, предпринятой Августом; ср. выше прим. 35.

⁴⁰ В римской *res publica* как раз «отсутствовала тесная связь между гражданскими правами и реальным участием в государственной жизни», в отличие от греческого полиса: Meyer, *Staatsgedanke*, 252.

Я вижу подтверждение своей концепции в обстоятельстве, отмечаемом Вишубски (Libertas, 34): *libertas*, всегда тесно связанная с понятием *res publica*, как правило, не понималась римлянами в смысле самоуправления. Ключом к пониманию этого является отношение римлян к *auctoritas*: римлянин признавал политическую мудрость определенных сограждан и подчинялся их *auctoritas*. Вишубски, однако, ограничивает такое толкование (82, N1). Он полемизирует с утверждением Штарка (*Res publica*, 43 [= наст. изд., с. 57]), что термин *res publica* сам по себе ничего не говорит о форме государственного устройства. На его взгляд, интерпретировать понятие *res publica* в смысле «правового государства», как это делает Штарк (44 [= наст. изд., с. 58 слл.]), значит действовать слишком вольно и неопределенно («for a 'Rechtsstaat' may exist under any form of a

можем говорить о неправомерном употреблении слова с того момента, когда правление императоров превратилось в абсолютную монархию, то есть не позднее т. н. эпохи домината⁴¹.

3. Поскольку *res publica Romana* заключается в отстаивании интересов государственного народа, а этот народ не должен быть ограничен какой-либо территорией, понятие *res publica* изначально включает какое-либо территориальное ограничение⁴². *Res publica Romana* существует повсюду, где живут обладатели *civitas Romana*. Ее область не совпадает по размеру с *Pomerium*, не совпадает по площади с *imperium Romanum*. Но все же следует ввести одно ограничение этого внетерриториального характера *res publica*: «Суверенитет *populus Romanus* оставался локально привязан к Риму, где единствен-

legitimate and constitutional government» («ибо “правое государство” может существовать при любой форме легитимного и конституционного правления») (Wirszubski, 82, N1). Однако именно такой взгляд, отвергаемый Вишубски, я попытаюсь обосновать в дальнейшем, а также показать, что представления самого Вишубски (согласно которым термин *res publica* применим только к смешанной форме государственного устройства) неверны.

⁴¹ В этой связи я оставляю без внимания не совсем последовательную позицию Майера. Майер, с одной стороны, с полным правом подчеркивает, что римское понятие государства (лучше: понятие *res publica*) не требует того, «чтобы народ сам управлял своими интересами» (Staatsgedanke, 252); с другой стороны, он выводит из этого факта лишь признание аристократии (в отличие от монархии) наряду с демократией. Если уж Майер утверждает, что управление *imperium* не обязательно должно находиться в руках народа, то он должен признать наряду с аристократией и демократией также и монархию в качестве легитимной формы *res publica*. Но он этого не делает (ср. Staatsgedanke, 237, 252).

Я же в дальнейшем попытаюсь доказать именно это пункт, а именно совместимость *res publica* и *regnum*, опираясь на трактат Цицерона «О государстве». Распределение государственной власти (*imperium*) между одним лицом, небольшой группой людей или всем народом имеет второстепенное значение по сравнению со стремлением к справедливости. «Справедливость достигнута, когда все принимают участие в жизни государства (добавим от себя: но это не значит, что править должен сам народ) и государством руководит *sapientia*, происходящая от *vera ratio*, т. е. от справедливости. Из всех форм государства эту справедливость лучше всего реализует *aequabilitas* смешанной формы правления. Таким образом, спор об отдельных формах государственного устройства практически теряет значение ... даже смешанная форма является лишь выражением этих отношений» (Büchner, Studien II, 114 f.).

⁴² Из многих свидетельств следует, что «Цицерон считал оседлость народа на определенной территории предпосылкой для возникновения государства» (Hackelsberger, Staatslehre Cic., 49 f., ср. реп. 1, 41; Sest. 91). Однако при этом он имел в виду скорее просто государственность как таковую, а не сложный всемирный организм *res publica Romana* (ср. также выше прим. 32, с. 180).

но проводились легитимные народные собрания» (Gelzer, Staat I 22). В этом смысле Рим также представляет собой город-государство, «ведь к Риму это определение относится в гораздо большей степени, чем к греческим полисам-государствам»⁴³.

Из трех выводов, которые я сделал, опираясь на Майера и понятие *res publica*, для моего исследования представляет интерес только второй — вопрос государственного устройства *res publica*. Мое утверждение, что форма государства теоретически не важна для понятия *res publica*, что с ним вполне сочетается и *regnum*, я подкреплю в дальнейшем цитатами из De re publica Цицерона. Представляется особенно важным доказать возможность употребления понятия *res publica* у Цицерона применительно к «нереспубликанским» государствам, поскольку многие оспаривают права императорского правления на *res publica*, напр., Гельцер (Staat I 24): «Если официально продолжали говорить (имеется в виду в императорскую эпоху) о “нашей *res publica*”, то это было лишь историческим воспоминанием и могло обозначать только единую империю, управляемую императором». Прежде чем решать, произошел ли в процессе развития римского государства действительно «отчетливый эпохальный перелом» (Гельцер), когда принципат ликвидировал республику (Freistaat. — Прим. перев.), и прежде чем утверждать, что употребления слова *res publica* в официальном языке императорской эпохи было во многом лишь «официозным приукрашиванием»⁴⁴, необходимо убедиться, по отношению к каким формам правления употреблялся термин *res publica* до императорской эпохи.

Подтверждение употребления термина *res publica* применительно к нереспубликанскому государственному устройству мы находим не у кого иного, как у самого Цицерона. Для хода дальнейшего изложения представляется необходимым хотя бы вкратце затронуть терминологию Цицерона, чтобы сразу устранить возможные спекуляции. Вполне понятно, что здесь я могу привести лишь основные

⁴³ E. Meyer, Staatsgedanke, 237, там же подробности. «Город и деревня, район *domi* и район *militiae*, четко различались как в культовом, так и в государственно-правовом отношении» (Wickert, Gnomon 23, 1951, 438). Ср. также H.D. Meyer, Cic. und das Reich 4, 12 ff.

⁴⁴ Гельцер (Staat I, 6 f.) говорит, впрочем, о том, что такое словоупотребление «не было лишь официозным приукрашиванием», но все же склоняется к мысли о негативном отношении Тацита к государственной деятельности Августа.

мысли из *De re publica*, важные для моего исследования. Я ограничусь рассмотрением возможности использования понятия *res publica* по отношению к различным формам государства⁴⁵.

Цицерон дает свое определение *res publica* как *res populi*⁴⁶, которое я цитировал выше, а затем обращается к различным видам этой

⁴⁵ Термин *res publica* встречается во всем корпусе сохранившихся сочинений Цицерона примерно 3000–4000 раз (Köstermann, *Status*, 236). Однако мне приходится ограничиваться только примерами из *De re publica*. К моему большому сожалению, пока нет работ о государственных понятиях у Цицерона, на которые я мог бы опираться. В диссертации Штарка (*Res publica*) используются только «некоторые характерные примеры периода до начала императорской эпохи», относящиеся к периоду после I века до н. э., и приводится лишь пара десятков примеров из Цицерона; последний автор, о котором идет речь, — Тацит. Проблемой применимости термина *res publica* к отдельным типам государства Штарк вообще не занимается.

Работа Дрекслера (*Res publica*) богато документирована (особенно примерами из философских работ и речей Цицерона), но, являясь, по сути дела, собранием материалов, оставляет открытыми многие проблемы, особенно в сфере государственной терминологии (ср. выше прим. 1, с. 171).

К сожалению, трактат Цицерона *De re publica* относится к числу наименее комментируемых среди важнейших произведений латинского классика. Несмотря на большой объем специальной литературы, наилучшим образом представленной в критическом издании К. Циглера (Leipzig 1958, XLIII sqq.) «теперь 1964², XLVI sqq.» (также Büchner, *Studien II*, 36, A4 и издание К. Атцерта Aschendorff, Münster i. W., 1964, 125 ff.) и на большое количество новых переводов на немецкий язык (помимо Cicero, *Lehre vom Staat*, erl. und übers. von K. Atzert, Limburg-Lahn, 1950 (непечатка в: Cicero, *Staatslehre, Staatsverwaltung*, München, 1958, Goldmanns Gelbe Taschenbücher Nr. 458) и Cicero, *Über den Staat*, übers. von W. Sontheimer, Stuttgart [Reclams UB], 1956, следует особо отметить двуязычное издание Бюхнера, 1952/1960); не существует ни одного научного комментария на немецком языке. Даже бюхнеровское объемное «филологическое исследование первых трех книг работы Цицерона “Государство”» (здесь цитата по сокращенной перепечатке в *Studien II*, 1962, 25–115) не может заменить настоящий комментарий, хотя бы из-за чрезвычайно гипотетического характера некоторых утверждений (ср., напр., ниже с. 189). Поэтому приходится по-прежнему обращаться к сохраняющему свою ценность комментированному первому изданию А. Маи (цитаты по изданию Stuttgart-Tübingen 1822), к итальянским комментированным изданиям У. Педроли (G. Gianelli, 1941), Л. Ферреро (1961 = 1953) и В. Сираго (I книга, 1952), малополезным для изучения государственной терминологии (все издания — Флоренция), а также к текстам учебных изданий (H. Wachtler, Teubner, Leipzig-Berlin, 1930; K. Atzert, Aschendorff, Münster i. W., 1963; более полезное издание — H. Schwaborn, Schöningh, Paderborn, 1958).

Из вторичной литературы я хотел бы особо отметить Пешля (*Röm. Staat*) и Виршубски (*Libertas*, 79 ff.).

⁴⁶ Rep. 1, 39; ср. выше с. 171.

res publica. В соответствии с греческой школьной философией⁴⁷, он выделяет три формы⁴⁸: власть царя, власть аристократов (Optimatenherrschaft) и власть народа⁴⁹. Эти три формы государственного устройства схватываются одним общим понятием *status rei publicae*⁵⁰.

Хотя Цицерон мог бы с легкостью перейти к менее определенному⁵¹ понятию *civitas (status civitatis)*, он включает в понятие

⁴⁷ Здесь не рассматриваются греческие предшественники; ср. на эту тему, напр., Schoeffer, RE Suppl. 1, 1903, Sp. 346–364, s. v. Demokratia; N. Wilsing, Aufbau und Quellen von Ciceros Schrift De re publica, Diss., Leipzig, 1929; Sprey, Cic. polit. doctrina, 123 ff., 145 f.; Kurt von Fritz, The Theory of the Mixed Constitution in Antiquity, New York, 1954; Pöschl, Röm. Staat, 10 ff. Проблема «круговорота форм государственного устройства» находится за рамками моей работы; ср. об этом Heinrich Ryffel, ΜΕΤΑΒΟΛΗ ΠΟΛΙΤΕΙΩΝ, Bern, 1949 (Noctes Romanae 2), отдельно о Полибии — 180 ff.; Hackelsberger, Staatslehre Cic., 87 ff.; von Fritz, Mixed Constitution, 60 ff.; Büchner, Studien II, 82. 94; F.W. Walbank, A historical commentary on Polybius, Vol. I, Oxford, 1957, 643 ff.

⁴⁸ Теоретически число форм государственного устройства не ограничено: там, где существует подлинное *res publica*, оно должно получить свой индивидуальный *status*. Античная теория государства сокращает это неограниченное число (объясняемое в первую очередь разнообразными смешанными формами) до трех основных форм. Но при этом необходимо подчеркнуть, что во всех этих формах монархический, аристократический или демократический элемент доминирует относительно, а не абсолютно.

⁴⁹ О теории форм государства подробнее ср. напр. Friedrich Solmsen, Philologus 88, 1933, 326 ff.

⁵⁰ Для понятия «форма государства» Цицерон использует следующие сочетания с *res publica* (ср. также Drexler, Res publica, 266 [= наст. изд., с. 95 сл.]):

status rei publicae (положение *res publica*) 1, 42. 68; 2, 57. 60. 62; cf. 1, 65; 2, 30. 33. 56;

genus (genera) rei publicae (rerum publicarum) (род (роды) *res publica*) 1, 44 (bis). 45. 64. 65. 2, 43. 47 (bis); 3, 46, cf. 1, 69;

modus rerum publicarum (вид *res publica*) 1, 46. 69;

forma rei publicae (разновидность *res publica*) 1, 53; cf. 2, 22;

constitutio rei publicae (устройство *res publica*) 1, 69;

и, наконец, просто *res publica*, ср. Drexler 266 [= наст. изд., с. 96] (напр. 1, 50 *ce-teris vero res publicas ...* (а прочие *res publicae ...*); ср. ниже с. 188 сл.).

Цицерон пользовался также сочетаниями с *civitas* (обычно переводится как «гражданская община». — Прим. ред.):

status civitatis (положение *civitas*) 1, 33. 34. 49. 70. 71; 2, 2; 6, 1; cf. 2, 40;

genus (genera) civitatis (civitatum) (род (роды) *civitas*) 2, 22. 43. 51. 65; 3, 23;

forma civitatis (разновидность *civitas*) 2, 43.

⁵¹ Ср. напр. 2, 52: *non in umbra et imagine civitateis, sed in amplissima re publica enitar, ut...* (не по очертаниям и изображениям *civitas*, но на примере вели-

res publica также и *regnum*: cum penes unum est omnium summa rerum, regem illum unum vocamus, et regnum eius rei publicae statum (1, 42)⁵² (когда в руках одного человека находится верховная власть, то мы называем этого одного человека царем, а такой вид *res publica* — царством).

Мне в этой связи представляется важным отметить, что эта цитата взята из начала речи Сципиона, в которой тот, развивая определение *res publica* (1, 39–41), рассматривает три простых *status rei publicae* (1, 42). Эта речь не из тех, в которых представители различных форм государства воспевают свой вариант государственного устройства, критикуя остальные. Именно поэтому процитированный выше отрывок можно считать собственной точкой зрения Сципиона-Цицерона; вместе с тем мы должны проследить, не содержится ли в речах демократов или аристократов полемических искажений понятий. То же самое относится и к высказываниям из параграфа 1, 50, который стал знаменитым благодаря работе Бюхнера («Verfassung») и считается теперь едва ли не ключом к пониманию всей первой книги⁵³.

чайшего государства я постараюсь...): возможно, чередование *civitas* и *res publica* обусловлено здесь тем, что Цицерон хотел избежать употребления выражения *res publica* при таком расплывчатом, приблизительном образе государства, и поэтому заменил его на *civitas*. Бросается в глаза (ср. Schwammborn, гер.-Комм., 165 f.), что в важных «методических» главах 2, 21 f. (на эту сложную тему ср. Pöschl, Röm. Staat, 43 ff., с поправками Бюхнера, Studien II, 96 ff.; некоторые проблемы остались, однако, неразрешенными) Цицерон называет (абстрактное) идеальное государство Платона не *res publica*, а *civitas* (аналогично в сходном контексте 2, 52).

Именно вследствие своей многогранности (ср. на эту тему ниже с. 241 слл.) термин *civitas* в некоторых случаях сближается с выражением *res publica* (ср. Hackelsberger, Staatslehre Cic., 20). Иными словами, *civitas* = *constitutio populi* (устройство народа) (1, 41) является практически синонимом *populus: civitas* = *iuris societas civium* (сообщество граждан на основе права) (1, 49); *civitates* = *concilia coetusque hominum iure sociati* (собрания и объединения людей на основе права) (6, 13).

⁵² Ср. выше прим. 35, где я изложил свою точку зрения на другое (не только «республиканское») представление о *res publica*, приблизительно соответствующее греческому πολιτεία.

⁵³ Сейчас не время подробно обсуждать тезис Бюхнера о том, что параграф 1, 50 является вторым из шести пунктов некой реконструированной монархической речи, а не частью речи демократической. Не отрицая сложностей, связанных со строением первой книги и особенно спорного 50-го параграфа, я все же буду придерживаться традиционной интерпретации этого параграфа как демокра-

Нас интересует в первую очередь частично сохранившийся начальный фрагмент:

[Лакуна] ... ceteras vero res publicas ne appellandas quidem putant iis nominibus quibus illae sese appellari velint (... они полагают, что прочие *res publicae* не следует даже называть теми именами, которыми они желают называться).

Мне кажется, что правильные выводы о связи мыслей в этом пассаже сделал Скуч⁵⁴: демократы (а именно к их речи традиционно относят 50-й параграф, и я с этим согласен) заявляют, что общепотребительные названия двух других форм государства противоправны. Позиция *ne... quidem* (а не *ne iis quidem*) указывает на то, что мы имеем дело с противопоставлением *appellari/esse*. Смысловая связь представляется на первый взгляд такой: «Демократия — это *res publica* и поэтому может с полным правом так именоваться; две другие формы государства, монархия и аристократия, не являются тем, что выражают их названия, и поэтому они не имеют права так называться». Но и эта интерпретация не удовлетворяет нас в полной мере. В таком случае процитированная фраза оказывалась бы тавтологическим повтором того, что демократы уже говорили в 1, 48: **si vero ius suum populi teneant ... hanc unam rite rem publicam, id est rem populi, appellari putant** (если народы сохраняют свое право ... то, как они (демократы) полагают, только это и называется по справедливости *res publica*, то есть делом народа). Теперь же (в 1, 50) аргументация демократов

тического (ср., напр., членение 1. 42–68 в Solmsen, *Philologus* 88, 1933, 326 f.). Опровержение тезиса Бюхнера Юргеном Кройманом (J. Kroymann, *Die Stellung des Königtums im 1. Buch von Ciceros «Staat»*, *Harvard Studies in Classical Philology* 63, 1958, 309–332; ср. также Otto Skutsch, *Philologus* 103, 1959, 143 f.) не кажется мне безупречным по всем пунктам, но все же, несмотря на все объяснения Бюхнера, фраза *quin serviant quidem fieri non potest* (не может так быть, чтобы не служили) представляется мне невозможной в устах приверженца монархии. «Бюхнер отстаивает свой тезис от возражений Кроймана, Скутча и моих в своей работе «Schlußbemerkungen» (*Studien II*, 195 f.). Этот тезис принимается в учебных комментариях Швамборна, 1958, и Атцерта, 1963, 43, в переводе Беера, 1964 и в E. Pahnke, *Studien über Ciceros Kenntnis und Benutzung des Aristoteles und die Herkunft der Staatsdefinition*, Diss. Freiburg, 1962, 42 ff. <неясно в R. Klein, *Königtum und Königszeit bei Cicero*, Diss. Erlangen 1962, 96, A2, отвергается у J. Michelfeit, *Philologus* 108, 1964, 266, A1>.

⁵⁴ Otto Skutsch, *Kleinigkeiten zu Ciceros «Staat»*, *Philologus* 103, 1959, 143 f.

1. Res publica

[RES·PVB·LICA]

направлена не против использования термина *res publica* монархией и аристократией, а против наименований, которые они сами для себя выбрали: *rex* (царь) — имя *Iuppiter optimus* (Юпитер всеблагой), *optimates* (сторонники аристократии) — имя *optimi* (букв.: наилучшие). И так мы приходим к тому, что первым понял Скуч: и в утерянном начале предложения, где демократы говорят об их собственной форме государства, должно было употребляться понятие *optimus*, которое доминирует над всеми партийными речами (I 46 ex tribus istis modis rerum publicarum velim scire, quod optimum iudices (я хочу знать, что ты считаешь самым лучшим из этих трех видов *res publica*)). По Скучу, текст в лакуне восстанавливается так: ubi apud populum sint omnia, eam optimam esse rem publicam⁵⁵ (когда все находится во власти народа, это и есть наилучшее *res publica*).

Из 1, 48–50 следует, таким образом, что демократы называют

1) только свою форму государства настоящей *res publica*, только она действительно заслуживает этого названия;

2) свою форму государства самой лучшей, в то время как две другие не заслуживают своих названий, базирующихся на понятии *optimus*.

Очевидно, что такой подход прямо противоречит моей гипотезе о совместимости *regnum* и *res publica*. Здесь следует вспомнить тезис, который я выдвигал выше (с. 189): мы имеем дело с предложением из полемически окрашенной партийной речи, которая не передает ни мнения Цицерона, ни общепринятой терминологии своего времени. Данное предложение показывает лишь то, что при определенных условиях *res publica* могла пониматься как противоположность *regnum* (и аристократии) в одной из партийных концепций, а конкретнее, в случае более узкой интерпретации *res publica* как специального термина для обозначения «демократии». Цицерон, прекрасно осознавая такую возможность, в тех частях своего произведения, где нет выступлений сторонников партий⁵⁶, употребляет *res publica* в более широ-

⁵⁵ Skutsch, 143, иначе Kroymann (см. выше прим. 53), 317, A4, совсем иначе Büchner rep.-Üb., 143 <недавняя дискуссия между Бюхнером и Скютчем (Philologus 104, 1960, 307–310) о толковании параграфа 1, 50 не дала новых аргументов в пользу точки зрения Бюхнера>.

⁵⁶ Даже представители демократов непоследовательны в своих единоличных притязаниях на термин *res publica*: сначала они подчеркивают, что этот термин принадлежит им и только им (1, 48), но затем сами же употребляют его (*ceteras res publicas*) в 1, 50 применительно к монархии и аристократии.

ком значении; этот факт особенно важен для понимания цicerоновского термина *res publica* и, на мой взгляд, однозначно говорит в пользу моей версии о его более широком значении.

Как бы ни относиться к спорному параграфу 1, 50⁵⁷, мне кажется несомненным, что Цицерон включал *regnum* в понятие *status rei publicae*, а тем самым и в понятие *res publica*⁵⁸. Да, Цицерон идет вплоть до того, что устами Сципиона провозглашает *regnum* наилучшей из трех «чистых» форм *res publica*⁵⁹. Таким образом, для Цицерона монархия является не только одним из воплощений *res publica*, но (относительно) лучшим из них. Такое понимание монархии как разновидности *res publica* противоречит традиционному мнению, согласно которому *res publica* в своем изначальном значении может применяться только по отношению к республике (Freistaat. — *Прим. перев.*) (именно в этом более узким значением мы позаимствовали слово Republik), однако однозначно фиксируется у Цицерона. Самым убедительным подтверждением является, пожалуй, конец дошедшей до нас части третьей книги: там говорится не только о *popularis res publica* (3, 48), но и о *regalis res publica*

⁵⁷ Даже если в духе Бюхнера считать параграф 1, 50 выражением точки зрения сторонников идеальной монархии, это ничего не меняет в моей интерпретации исходного посыла: речь ли это демократа или монархиста — в любом случае мы имеем дело с партийной речью, со всеми вытекающими из этого терминологическими искажениями.

⁵⁸ Поэтому совершенно не обязательно реконструировать древнюю связь между *populus* и *rex*, как это делает Вальтер Порциг (*Gymnasium* 63, 1956, 324), которая якобы явствует из соседства праздников *regifugium* и *poplifugia* и является еще более древней, чем *senatus populusque Romanus*. Но доказательство кажется мне неудачным (так же критически настроен G. Philipp, *Polit. Wortstudien*, 110 ff.; интересную интерпретацию *poplifugia* находим у Штарка (*Res publica*, 10 [= наст. изд., с. 14])). Кроме того, даже если бы в истории языка и существовало какое-то соответствие, оно не имело бы никакого значения для политического и литературного контекста эпохи Цицерона.

⁵⁹ Ср. напр. 1, 54; 2, 43. На вопрос, чем объясняется явная приязнь Цицерона к монархии и следует ли считать монархической позицию правителя в *De re publica*, мы сейчас отвечать не будем. Вместо этого я сошлюсь на превосходный обзор ранней литературы (особенно что касается Райтценштайна, Хайнце и Пешля): R. Meister, *Der Staatslenker in Ciceros "De re publica"*, *Wiener Studien* 57, 1939, 57–112. Новейшая литература на эту тему перечислена в издании Циглера, 1964, р. XLVI sqq. (Büchner, *Der Tyrann...*; Krarup; Lepore); наряду со статьей Виккерта «*Princeps*» в RE (Sp. 2227 f.) упомянем также работу H. Drexler, *Principes* — *princeps*, *Maia* 10, 1958, 243–280, в особенности 265 ff.

(3, 47)⁶⁰. Определение *popularis* для *res publica* было бы совершенно излишним, если бы уже в самом понятии *res publica* содержалась информация о том, что *res populi* должна управляться исключительно самим *populus*. Именно тот факт, что *res publica* не имеет жесткой привязки к «республике», делает возможным и осмысленным подробный анализ различных видов государственного устройства в рамках *res publica*, производимый в первой книге⁶¹.

⁶⁰ Адъективное сочетание всех трех форм государства мы видим в 2, 41: ...rem publicam, quae ex tribus generis illis, regali et optumati et populari confusa modice (...*res publica*, которое с соблюдением чувства меры смешано из трех видов: царского, аристократического и народного).

Употребление *res publica* в таком контексте особенно значимо потому, что Цицерон имел возможность прибегнуть к иной формулировке. В других местах он использует, например, сочетание *civitas popularis* (народное *civitas*) (1, 42) и обороты типа totum genus hoc regiae civitatis (весь этот род царского *civitas*) (2, 51) или regale genus civitatis (царский род *civitas*) (2, 43).

Мнение Дрекслера (*Res publica*, 265 f. [= наст. изд., с. 96], ср. выше прим. 35, с. 182), заключающееся в том, что в этих оборотах мы имеем дело с «принципиально невозможными сочетаниями», основано на той предпосылке, что Цицерон постоянно помнил об этимологии *res publica* = *res populi*. И действительно, Цицерон усиленно работает с этим «уравниванием» в той части трактата, где он отказывает в праве именоваться *res publica* трем выродившимся формам (3, 43–45), и в следующем разделе (3, 46–48), где три чистые формы признаются в качестве *res publicae* (*cur illa sit res publica resque populi* 3, 46 (почему это *res publica* и дело народа)). Но когда Цицерон в том же самом разделе (3, 47 слл.) употребляет «принципиально» невозможные сочетания *res publica popularis* или *regalis* — этому обстоятельству нужно уделить особое внимание. Несмотря на все аргументы с указанием на более узкое значение *res publica* = *res populi* в смысле «демократии», для Цицерона всегда существует возможность употребления *res publica* в обобщенном значении «государство» и «форма государства», на что особенно отчетливо указывает употребление множественного числа в leg. 2, 23 и гер. 1, 50 (эти пассажи приведены у Дрекслера, *Res publica*, 266 [= наст. изд., с. 95–96]). При этом понятие «формы государства» может быть гораздо яснее выражено через *genus, forma* или *status rei publicae* (ср. выше прим. 50, с. 187).

⁶¹ Ошибочный взгляд у Эрнста Майера, *Staatsgedanke* 252: «Эти различные формы государства... создававшие напряжение, которое непрерывно двигало вперед греческую историю и вызвало столько кровавых революций, были для римского государственного мышления малозначимыми». Майер здесь некорректно сравнивает греческую политическую действительность (в государственной теории Платона проблема формы государственного устройства имеет второстепенный характер; ср. выше прим. 36, с. 182) с римским государственным мышлением. Тезис Майера справедлив, на мой взгляд, скорее для римской государственной жизни, чем для римской теории государства. Фиттингхоф (см. выше прим. 1, с. 171) на с. 717 справедливо заключает: «И все же *res publica* вплоть до I в. до н. э. сохранялось в неприкосновенности, несмотря на

Особое внимание следует уделить критерию, на основании которого можно судить, является ли употребление понятия *res publica* легитимным или же чистой фикцией: при царях, при аристократии или демократии *res publica* может существовать лишь тогда, когда интересы народа, т. е. *res populi*, действительно соблюдаются. В конце третьей книги Цицерон со всей определенностью указывает на то, что *res publica* отсутствует во всех трех деградировавших формах — тирании, олигархии и охлократии:

a) ubi tyrannus est, ibi non vitiosam, ut heri dicebam, sed, ut nunc ratio cogit, **dicendum est plane nullam esse rem publicam** (где правит тиран, там не просто дурное *res publica*, как я говорил вчера, — но, как ход рассуждений заставляет нас признать теперь, вообще никакого *res publica* нет).

При этом для подтверждения автор ссылагается на условия в Сиракузах в эпоху тирана Дионисия: там не было *res publica*: nihil enim populi, et unius erat populus ipse (3, 43) (ведь ничто не принадлежало народу, и сам народ принадлежал одному человеку).

b) Vides igitur ne illam quidem quae tota sit in factionis potestate, posse vere dici **rem publicam** (Итак, ты видишь, что даже то, которое находится во власти партии, не может быть по справедливости названо *res publica*).

В качестве исторического примера приводится правление Тридцати тиранов в Афинах: блеск города, величие построек, Пирей — num ... rem publicam efficiebat? Minime vero ..., quoniam populi res non erat ... (неужели ... это делало Афины *res publica*? Нисколько ... потому что это не было делом народа ...) — при децемвирах в Риме не было *res publica*: populi nulla res erat (3, 44) (ничто не принадлежало народу).

отдельные реформы, и это было само собой разумеющимся для всех римлян. Оно было для римских граждан единственно возможным государственным порядком, проверенным временем и поэтому «наилучшим» — даже империи Августа приходилось изображать себя не более чем «восстановлением» этого *res publica*, чтобы доказать римлянам свою историческую легитимность».

1. Res publica

[RES·PVBLICA]

в) Cum per populum agi dicuntur et esse in populi potestate omnia, ... potesne tum ... negare rem esse illam publicam? — ac nullam quidem citius negaverim esse rem publicam, quam istam quae tota plane sit in multitudinis potestate (3, 45) (когда говорят, что все делается с помощью народа и находится во власти народа, ... можешь ли ты тогда ... отрицать, что это *res publica*? — я никакому *res publica* не откажу в праве так называться с большей легкостью, чем этому, которое все целиком находится во власти толпы).

Последний пример производит наибольшее впечатление, потому что на первый взгляд кажется парадоксом. Сципион, спрашивающий, предполагает, что в соответствии с определением *res publica* = *res populi* государство, управляемое народными массами, должно именоваться *res publica*: cum populi sint omnia, quoniam quidem populi esse rem volumus rem publicam (3, 45) (поскольку все принадлежит народу, раз уж мы утверждаем, что *res publica* — это дело народа). Лелий в своем ответе не может прибегнуть к аргументу, который он использовал для первых двух типов государственного устройства: при тирании и при олигархии отсутствует utilitatis communio (общая польза), поскольку правители преследуют только свои интересы и *res populi* решается не в интересах *populus*. Если бы Лелий захотел использовать аналогичную аргументацию и применительно к охлократии, он мог бы указать разве на то, что масса (*multitudo*), правящая при охлократии, численно не совпадает с *populus*. Но это был бы очень слабый аргумент. Поэтому Лелий (полностью в духе Цицерона) отрицает охлократию в качестве *res publica* на том основании, что *multitudo* по сути своей не является *populus* в духе определения: в нем отсутствует consensus iuris (согласие по поводу права; 3, 45).

Теперь самое время рассмотреть повнимательнее цicerоновское определение *populus*, потому что оно является важнейшей составной частью определения *res publica*⁶².

⁶² 1, 39; об этом, помимо специальной работы Штарка («Staatsdefinition»), также Büchner, Studien II, 77 ff. и (в существенно сокращенном виде) введение к переводу De re publica, с. 20 f.; а также Lombardi, Concetti, 198 ff. и Hackelsberger, Staatslehre Ciceros, 20 ff. (неудовлетворительно).

Относительно этимологии слова *populus* (первоначально, скорее всего, «вооруженный народ») ср. литературу, указанную Ломбарди (199, N3), особенно Mommsen, St.-R. III., 3 A2 и Stark, Res publica, 9 ff. [= наст. изд., с. 12 слл.]; а также прекрасную работу: Philipp, Polit. Wortstudien, 116 ff.

По Цицерону⁶³, *populus* — это не любое собрание людей, объединенных каким-либо образом⁶⁴; *coetus*, претендующий на статус *populus*, должен обладать двумя⁶⁵ качествами:

1) *iuris consensus*, т. е. признание общего, обязательного для всех права⁶⁶;

2) *utilitatis communio*, т. е. общность интересов⁶⁷.

⁶³ Хотя Цицерон принадлежит к великой традиции греческой и эллинистической государственной философии, его определение — это «не выжимка из основных имеющихся теорий государства, ... а собственная разработка Цицерона, из которой произрастают все дальнейшие теории. В литературе не удастся найти аналогичное определение государства» (Büchner, rep.-Üb., EinL., 21); ср. также Hackelsberger, Staatslehre Cic., 20 f.

⁶⁴ *Non omnis hominum coetus quoquo modo congregatus* (не всякая сходка, собранная тем или иным образом). Здесь мы видим, вероятно, намек на звериное сосуществование через *congregatus* (*grex*!) (Wachtler, rep.-Komm., 17; Atzert, rep.-Komm., 36). Для «человека стаи» характерна также пассивная форма причастия *congregatus*; с помощью же активных существительных *consensus* и *communio* «*populus* получает силу для самореализации... В этом *consentire* и *communire* содержатся *causae*, которые делают из *coetus* не *grex*, а *populus*» (Stark, Staatsdefinition, 61 f.). В дополнение к этому и *sociatus* (...sed *coetus multitudinis iuris consensu et utilitatis communione sociatus* (...но соединение множества людей, связанное согласием по поводу права и общностью пользы)) дает «смысловое определение государства; речь идет о массе людей, которая превратилась в общину в результате согласия относительно права... и общности пользы» (Büchner, Studien II, 78).

⁶⁵ Можно ли обнаружить в *multitudo* третий признак, как это делают Вахтлер (rep.-Komm., 17) и Ломбарди (Concetti, 199)? Мне это представляется сомнительным и малозначимым. Можно разве что вспомнить о том, что, согласно греческим теориям государства, число граждан полиса не должно превышать определенной величины.

⁶⁶ Ср. Büchner, Studien II, 79: «*Iuris consensu* относится, таким образом, скорее не к законодательству, а к осознанию и всестороннему признанию принципов права и справедливости как таковых».

Я присоединяюсь к мнению Бюхнера (78, A53) относительно того, что *iuris consensus* в тех двух случаях, когда это выражение (согласно Thes. l. L.) вообще встречается во всех латинских источниках (Cic. Rep. 1, 39 и 3, 43), можно понимать только одинаковым образом. Из контекста 3, 43 следует (причем следует и для 1, 39), что *iuris consensus* нужно относить не к «общему явлению правового порядка — он имеется и в выродившейся демократии, — а к идее справедливости» (Büchner, Studien II, 79).

⁶⁷ Атцерт (rep.-Komm., 36) указывает на то обстоятельство, что это дополнение сделано Панэтием и позаимствовано Цицероном, поскольку «сообщество на основе общей пользы соответствует римскому принципу полезности». Первым предположение о Панэтии как источнике выдвинул Поленц (ср. Büchner, Studien II, 77 f.). Однако Штарк в своей работе приводит доказательства в пользу перипатетических источников и приходит к следующему выводу (Staats-

В дальнейшем Цицерон, однако, уделяет мало внимания *utilitatis communio* и рассматривает именно *iuris consensus* как главный характерный признак государства⁶⁸. Из характера *populus* как *iuris consensus* вытекает и подробный анализ понятия *iustitia* в третьей книге, значением и примерами которого мы сейчас заниматься не будем⁶⁹.

Наряду с двумя чертами, которые Цицерон считает конституирующими для *populus*, не менее важны те стороны нашего понятия «народ» (испытывающего влияние романтизма), которые не попали в поле зрения Цицерона. Выше (прим. 25, с. 178) уже упоминалось о том, в цicerоновском определении *populus* совершенно

definition, 66): «Перечисленные параллели ясно свидетельствуют о том, что определение государства Цицерона восходит к наследию Аристотеля. Оно не содержит никаких специфических стоических элементов», но дошло до Цицерона, вероятно, через посредничество Панэтия. Пешль и Бюхнер (Studien II, 78) также отрицают прямое влияние Панэтия; относительно влияния Аристотеля ср. также комментарий Педролли ad. loc.

На отличиях определения Цицерона от греческих представлений о государстве кратко останавливается и Хаккельсбергер (Staatslehre Ciceronis, 15 ff.).

⁶⁸ Так, в случае охлократии указывается только на отсутствие *consensus iuris*, потому что при данном строе едва ли можно сомневаться в наличии *utilitatis communio*: *mihi populus non est ... nisi qui consensu iuris continetur* (3, 45) (для меня народом является только такой, который объединен согласием по поводу права). Ср. 3, 43: ... *neque esset unum vinculum iuris nec consensus ac societas coetus, quod est populus* (...и не было никакой связи на основе права, и не было никакого согласия и общности людей, сошедшихся вместе, — что и является народом). *Civitas*, часто употребляемое как синоним *populus*, также актуализирует точку зрения правового сообщества: *quid est enim civitas nisi iuris societas civium?* (1, 49) (ибо что есть *civitas*, если не сообщество граждан на основе права?).

⁶⁹ Под *ius* в составе *iuris consensus* Цицерон понимает не объективное право, а естественный закон <(Панке (Pahnke, 99 ff.) резонно возражает Хаккельсбергеру (Hackelsberger, Staatslehre Ciceronis, 22)). *Iustitia* заключается не в соблюдении формальных правовых положений, а в признании естественного права>. *Iustitia* является для Цицерона, как и для Платона, самой благородной добродетелью, которая поддерживает и даже формирует государство. Об этом подробно идет речь в III книге (о естественном праве см. особенно 3, 33; ср. также Wirszubski, *Libertas*, 83 ff. с пассажами на эту тему из *De legibus*), в которой «определение, даваемое Сципионом государству, ... понимается во всей своей полноте» (Büchner, *rep.-Üb., Einl.*, 20). Касательно внутренней связи *iustitia/utilitas* ср. определение *iustitia* в Cic. inv. 2, 160 *iustitia est habitus animi communi utilitate conservata suam cuique tribuens dignitatem* (справедливость — это свойство души, уделяющее каждому по его достоинству при сохранении общей пользы); ср. Stark, Staatsdefinition 59, A3 и особенно 61, A3.

исключен этнически-расовый аспект⁷⁰. Государственная власть также не является, судя по всему, необходимым элементом определения. Отсутствует даже ясное указание на местную основу государства⁷¹. «Совместное проживание в одном месте» — четкая формулировка стоического определения, сократилась тут до неопределенного выражения *coetus* (от *co-ire*). Необязательно, чтобы каждый *populus* обладал городом. Поэтому Гельцер (Staat I 8) предостерегает от употребления применительно к *res publica* неверного определения «город-государство» (Stadtstaat. — *Прим. перев.*). Взамен он предлагает «государство-общину» (Gemeindestaat. — *Прим. перев.*), потому что для римского государства определяющим было не территориальное, а личное объединение⁷².

Помимо основных условий существования *populus*, а именно *iuris consensus* и *utilitatis communio*, в трактате Цицерона о государстве можно обнаружить еще множество моментов, важных для существования *res publica*⁷³, прежде всего отсутствующее в определении понятие государственной власти. Ключевая идея, вокруг которой вращается весь ход мыслей вслед за определением государства в первой книге, — это понятие государственной власти, *consilium*⁷⁴: *omnis res publica... consilio quodam regenda est, ut diuturna sit* (1, 41) (всякое *res publica*... должно управляться своего рода советом, чтобы долго про-

⁷⁰ Характерно также, что «римлянин времен республики не проводит четкого различия между словами *patria* и *res publica*... Разница между "государством" как искусственной общностью и "родиной" как естественной общностью для римлян отсутствует» (L. Krattinger, *Der Begriff des Vaterlandes im republikanischen Rom*, Diss. Zürich, 1944, 27).

⁷¹ «Согласно доминирующей ныне теории, государство состоит из трех элементов — государственного народа, государственной территории и государственной власти. Для римлян же, как и для греков, "понятие государства" сводилось к одному элементу, а именно народу»: Lübtow, *Röm. Volk*, 470; ср. также Lombardi, Concetti, 193, N1 и указанную там литературу; оговорки см. выше, с. 180 с прим. 32 и с. 184 сл.

⁷² *Res publica* в значении «город-государство», т. е. самоуправляемая община, появилось в результате семантической деформации на закате республики; ср. Gelzer, *Staat I*, 8, 22.

⁷³ Относительно дальнейшего изложения ср. Büchner, *rep.-Üb.*, Einl., 21 и *Studien II*, 80.

⁷⁴ Относительно такого понятия римской жизни, как *consilium*, ср. Büchner, *rep.-Üb.*, Einl., 22 и *Studien II*, 72. 80, где также подчеркивается близость понятий *consilium* и *imperium*.

1. Res publica

[RES-PUBLICA]

существовать). Этот *consilium* должен быть связан со смыслом государства. Он может находиться в руках одного человека, в руках элиты или в руках всех. *Status rerum publicarum*, о которых мы сейчас поговорим, являются в более узком смысле формами *consilium*. Важно отметить тот факт, что в качестве обозначения государственной власти сначала выбирается слово *consilium* (1, 41), которое лишь потом (после таких определений, как *potestas* и т. п.) иногда заменяется на *imperium* (1, 60). Этим выбором слова *consilium* Цицерон, вероятно, хотел с самого начала придать *imperium*, государственной власти, определенный смысловой оттенок: государственная власть должна заботиться о народе, *rei publicae consulere*.

В ходе дальнейшего рассмотрения отдельных *status rei publicae* мы обратим внимание на те стороны *res publica*, которые при данном государственном устройстве находятся под угрозой или, наоборот, обеспечены наилучшим образом⁷⁵. Позитивные моменты можно при этом считать признаками настоящего *res publica*⁷⁶.

1) При монархии [*regnum*] слишком слабо реализуется *commune ius et consilium* всех остальных (1, 43), зато хорошо реализуется *caritas*⁷⁷, т. е. отеческая забота, *consulere suis civibus et eos conservare* (1, 54)⁷⁸ (заботиться о своих гражданах и беречь их).

⁷⁵ Ср. также Hackelsberger, Staatslehre Ciceros, 73 ff.

⁷⁶ Ср. также Spray, Cic. polit. doctrina, 170 ff., 251 f.

⁷⁷ На протяжении «царской речи» (1, 56–64) и во II книге становится ясно, что важнейшим моментом в царстве является не *caritas*, а *imperium* (или *potestas*): в 2, 57 для описания трех элементов, образующих смешанную форму правления (магистрат — совет — народ) (ср. Pöschl, Röm. Staat 28), ключевыми становятся слова *potestas* — *auctoritas* — *libertas*, каждое из которых соответствует отдельной «чистой» форме правления. В De legibus 3, 3 сл. (Pöschl, 26, A31) мы видим некое подобие краткого изложения царской речи из De re publica и подчеркивание *imperium* как характеристики монархии.

Такое кардинальное изменение в понимании монархии лучше всего объясняется, на мой взгляд, амбивалентностью образа *pater*. С этим эпитетом при слове *rex* для римлянина ассоциировалось не только представление о любящем и верном отце семейства (*caritas*), но и мысли о *summa potestas* этого *pater familias*, в условиях которой члены *familia* не имели личных прав (схожие мысли у Ugo Coli, Regnum, SDHI 17, 1951, 42). <*caritas* ср. Hellegouarc'h, 147>.

⁷⁸ Относительно понятия *consulere* в управлении государством ср. также эпитеты, которыми Энний у Цицерона в гер. 1, 64 характеризует царя Ромула: *patriae custos*, *pater*, *deus* (страж отечества, отец, бог); это отнюдь не те слова, которые предпочитает сам Цицерон, вроде *erus*, *dominus* или даже *rex* (хозяин, господин, царь).

2) При аристократии широкие массы также не имеют доступа к *consilium commune*, к *potestas* и лишаются в результате значительной части *libertas* (1, 43); с другой стороны, при этой форме правления обеспечивается больше *consilium* при гарантированных *aequitas* и *fides*, чем при монархии.

3) При демократии могут господствовать *iustitia* и *moderatio*, но именно общее равенство (*aequabilitas*) несправедливо, так как отсутствуют *gradus dignitatis* (1, 43); однако демократия лучше всего обеспечивает *libertas*, которая является даже для животных наивысшей ценностью (1, 55)⁷⁹.

Преимущества всех трех форм государственного устройства собраны в последней, четвертой — смешанной — форме⁸⁰. Именно по ее образу мы можем определить наиболее характерные черты *res publica*⁸¹:

Образ идеального государственного мужа, этого *rector et gubernator rei publicae* (правитель и кормчий *res publica*), обрисованный Цицероном в двух последних книгах *De re publica*, имеет черты, подчеркивающие его обязанность по части *cura*: *quasi tutor et procurator rei publicae* (как бы защитник и покровитель *res publica*) (2, 51); ср. Richard Heinze, *Ciceros «Staat» als politische Tendenzschrift* (1924), в сборнике «*Vom Geist des Römertums*», Darmstadt 1960³, 141–159, особенно 142 ff.; также Manfred Hauser, *Der römische Begriff cura*, Winterthur 1954, 29 ff. Ссылки на функцию *curator*, сильно выделяемую Августом, находим также у Франца Бекмана: F. Beckmann, *Der Friede des Augustus*, Münster i. W., 1951, 21 ff.

Упомянем в этой связи также знаменитое определение *imperium populi Romani* (власть римского народа) как *patrocinium orbis terrae* (покровительство всему миру) (Cic. Off. 2, 27); ср. об этом: Vogt, *Reichsgedanke*, 179, с другими параллелями, и H.D. Meyer, *Cic. und das Reich*, 211 ff.; также Vogt, *Cic. Glaube*, 90 ff.

⁷⁹ Пешль (Röm. Staat, 18 ff.) доказал, что три ключевых понятия *caritas* (монархия) — *consilium* (аристократия) — *libertas* (демократия) соответствуют трем целям государства платоновских «Законов» *φιλία* (любовь) — *φρόνησις* (рассудительность) (или *νοῦς* (ум)) — *ἐλευθερία* (свобода) (20).

Относительно идеи *libertas* ср. специальную работу Вишубски, *passim*; о цицероновской интерпретации недавно вышла статья Алис Дермьянс (Alice Dermiense, *Les Études Classiques* 25, 157–167, особенно 162).

⁸⁰ Мы не будем здесь размышлять о том, в какой степени Цицерон в своей идеализации смешанной формы правления следует греческим образцам; ср. об этом: Kurt von Fritz, *The Theory of the Mixed Constitution in Antiquity*, New York, 1954, 124 ff.

⁸¹ Несколько иным методом пользуется Вишубски (*Libertas*, 81), который на основании отрицания определения *res publica* применительно к трем выродившимся формам (3, 43 ff.) делает следующие выводы о сущности *res publica*: а) государство должно служить цели всеобщего благосостояния, а не удовлетворять ин-

а) она имеет *quiddam praestans et regale* (нечто выдающееся и царственное): стабильное осуществление *imperium*;

б) *auctoritas* руководителей (*principes*) имеет сферу деятельности: *consilium* мудрых граждан оказывает влияние, *dignitas principum* обеспечена;

в) народ также имеет *iudicium voluntasque: libertas* обеспечена (1, 69).

Такое государственное устройство (*constitutio*) гарантирует наличие двух основных характеристик *res publica* (1, 69):

1) *aequabilitas quaedam magna* (некое великое равенство), без которого свободные граждане не могут существовать длительное время;

2) *firmitudo* (прочность), обеспечение которой является главной задачей отдельных *status rei publicae* и тем более идеального государственного устройства. Через все описание недостатков и достоинств разных видов государственного устройства красной нитью проходит *ut diuturna sit* (sc. *res publica*) (1, 41)⁸².

Итак, в результате этого обзора некоторых основных черт представления Цицерона о *res publica* я хотел бы сформулировать основные моменты.

1. Понятие *res publica* неотделимо от представления о *populus*. *Res publica* существует лишь до тех пор, пока она сохраняет свой

тересы отдельных групп; б) каждый должен участвовать в решении государственных вопросов; в) в основе государства должен лежать принцип добровольного подчинения всем законам, обладающим одинаковой силой для каждого (пер. с англ.).

Однако же и Виршубски подчеркивает, что подлинная *res publica* не обязательно должна быть демократией; демократия для Цицерона имеет даже некоторый оттенок охлократии: для существования *res publica* особенно важно не подпускать к ней партийные интересы, ср. off. 1, 85: Wirszubski, 81.

⁸² *Diuturnitas*, или *aeternitas*, государства является важным понятием для Цицерона. Еще задолго до поэтов августовской эпохи Цицерон был убежден в вечности римского государства (несмотря на свой пессимизм по отношению к современности); ср. на эту тему прекрасную главу «Предчувствие вечности» у Фогта, Cic. Glaube, 72 ff., особенно 93 ff. Дальнейшее развитие идеи *Roma aeterna* описывает Бертольд Рубин (Das Zeitalter Justinians, Berlin, 1960, I 131 ff.). Для верного понимания периодически повторяющихся жалоб Цицерона на закат *res publica* в его время важно наблюдение Фогта (93): «Государство, которое Цицерон считает вечным, является зачастую республикой сенатской заботы».

характер как *res populi* и *populus* отвечает определению Цицерона⁸³. Когда же эти предварительные условия соблюдены, когда *populus* является *coetus multitudinis iuris consensu et utilitatis communione sociatus* (собранием множества людей, связанных согласием по поводу права и общностью пользы), когда обеспечиваются *imperium*

⁸³ Во времена Цицерона это определение уже не вполне соответствовало действительности (это заметили раньше Августа, так считал и сам Цицерон). Цицерон видит идеал не в римском государстве, а в *res publica maiorum* (государстве предков), где образцово реализована смешанная форма государственного устройства. Относительно этой «нормативности традиции» ср. Vogt, Cic. Glaube, 18 ff., 54 f.; относительно упаднических настроений см. Там же, 43 ff., 55 ff., 64 f.; в прим. 76 к с. 50 — подборка выражений, употребляемых Цицероном при описании упадка государства, напр., *labes, morbus, pestis, naufragium, perniciēs, interitus, sepulcrum rei publicae* (падение, болезнь, чума, крушение, гибель, смерть, похороны *res publica*).

В результате понимания истинной сущности *res publica* рождаются и утверждения Цицерона, что в условиях диктатуры Цезаря нельзя говорить о существовании *res publica* (ср. ниже с. 228 сл.). Получается, что цicerоновское определение государства является «программным»: «Так же, как “Законы” Цицерона являются не точным повторением существовавшего тогда государственного права, а задуманы в качестве программы реформ на основе *mos maiorum*, находящейся в тесной связи с политикой Цицерона, так же и в уравниении, предваряющем определение государства, содержится определенная политическая тенденция» (Stark, Staatsdefinition, 59). Ср. ограничения этого тезиса: Philipp, Polit. Wortstudien, 118, A94 — этот автор видит в уравниении *res publica = res populi* «определенный политический оттенок и этимологическое обоснование» в том смысле, «что и в “государстве” Цицерона источником суверенитета является *populus*, а не *pauci potentes* (немногие властители)», однако, с другой стороны, этот же автор находит в негативных оценках Цицероном власти народа еще одно подтверждение убежденности последнего в том, что только элита призвана к политической деятельности (ср. также Sprey, Cic. polit. doctrina 217; относительно затронутой здесь проблемы народного суверенитета ср. выше прим. 35, с. 181–182).

Я считаю сомнительным, что в уравниении *res publica = res populi* можно усмотреть какую-то политическую тенденцию. Мне думается, что оно было предзадано Цицерону этимологией (ср. выше прим. 24, с. 177–178), и что политическая тенденция может содержаться только в придаточном предложении, объясняющем *populus*. Предположение Хаккельсбергера (Staatslehre Cic., 24), что Цицерон пришел к своему определению *res publica*, основывающемуся на *populus*, через данную ему изначально «непосредственную демократию латинских племен», я считаю необоснованным; еще менее вероятной представляется его гипотеза о фиктивном народном собрании при монархии и аристократии, потому что якобы только таким образом они могут сохраняться в качестве *res populi*.

1. Res publica

[RES-PUBLICA]

правительства, *auctoritas* элиты, выражающийся в *consilium*, и *libertas* народа, то тогда остается пространство для самых разных форм государственного устройства: *regnum*, *optimatum dominatus*, *civitas popularis* или же смешанная форма — все это возможные и легитимные формы *res publica*⁸⁴.

2. Сущностью *res publica* наряду с *utilitatis communio* является *iustitia*; иными словами *res publica* является государством закона, правовым государством. «А справедливость сама создаст наилучшую форму государственного устройства, в которой благодаря гармоничному сочетанию элементов господствует *aequabilitas*: так называемая смешанная форма, реализованная в государстве отцов, является выражением этой справедливости и идеи государства. Это лучшее состояние, при котором единство достигается с минимальным господством над настоящей свободой... Таким образом, вопрос о формах потерял важность перед лицом идеи государства, справедливости и тем самым нравственного состояния общества и его лидеров» (Büchner, *rep.-Üb.*, Einl. 52).

Наше исследование сущности *res publica*, которая может реализовываться в различных формах государства, подводит нас к следующим выводам, важным для применимости этого выражения.

При всем множестве исследований устройства римского государства, мне кажется совершенно неразработанным вопрос о применимости термина *res publica* к другим государствам. На мой взгляд, многим исследователям следовало бы освободиться от плена того значения, которое *res publica* получила в конце «республиканской» эпохи. Именно эту форму сознательно или бессознательно отождествляют с понятием *res publica*, как будто это выражение является специальным термином для обозначения государства римского народа. Конечно, необходимо признать, что для Цицерона римское государство является государством *par excellence* (ср. Lombardi, Concetti 205), на основании которого он развивает свою философию

⁸⁴ Поэтому прав Кросара, обосновавший непрерывность существования понятия *res publica* до XI века в своей чрезвычайно интересной работе, когда начинает историческое развитие государственного устройства Рима с *res publica regia*, затем характеризует так называемую республику как *res publica consolare* и различает в императорской эпохе целый ряд *res publicae* (ср. Crosara, *Res publicae*, 234, 239 sgg.).

и из модели которого он индуктивно выводит свою абстрактную идею государства (это становится особенно очевидным в т. н. «методических главах» 2, 21–22, которые мы здесь не будем обсуждать; ср. Büchner, Studien II 96). Но тем самым все же не исключается существование других государств помимо римского, отвечающих цicerоновскому определению *res publica*. Утверждение Филиппа (Polit. Wortstudien 119), что «*res publica* не могла стать просто технических термином всякой республики, она осталась в определенной степени именем собственным, обозначающим Рим, принадлежащий *populus senatusque Romanus*», я считаю слишком обобщающим и поэтому неверным.

Когда Эрнст Майер (Eumusia 46) говорит: «Правильное восприятие интересов всего народа должно находиться в правильных руках, призванных к этому и способных на это», он формулирует требование, предъявляемое ко всем *res publicae*: правительство должно быть представителем *res populi*. Но когда он продолжает: «В римском государстве это аристократия, что связано с традицией, с ее опытом, образованием и имуществом», то это специфическая римская черта, не принадлежащая к сути *res publica* в духе ее определения.

Далее я попробую показать, что Цицерон, например, отмечает и осуждает тот факт, что у родосцев *plebs* и *senatus* являются одним и тем же, но не отнимает у них права называться *res publica*. Таким образом, если термин *res publica* не относится исключительно к Риму, то многие уже затронутые проблемы предстают в новом свете. Так, например, об оправданности употребления *res publica* применительно к государству, заново созданному Августом, мы должны судить не с учетом конкретной *res publica* — закончившейся «республики», — а в свете цicerоновского определения *res publica*. И тогда можно заметить, что хотя о восстановлении *res publica* старого типа речь, конечно, не идет, но мысль о том, что Август в принципе создал некую *res publica*, не стоит сразу отбрасывать. Только освободившись от стереотипного представления, согласно которому о любом обновлении римского государства и вообще любого иностранного государства следует судить на основании исторической *res publica* республиканской эпохи, а не теоретических определений Цицерона, можно приблизиться к правильной оценке слово-

употребления времени Августа и всей терминологии, связанной с *res publica* в императорскую эпоху⁸⁵.

⁸⁵ К похожим выводам пришел и Виршубски, ср. особенно главу «*Res publica restituta in theory and fact*», 107 ff., там же: 108, N2, с указанием литературы. Виршубски видит обоснование для употребления Августом термина *res publica* (с. 122) в природе августовской *auctoritas*, которая, хоть и условно, была продолжением *auctoritas* республиканских *principes*. Нельзя не признать (ср. Wirzubski, *Libertas*, 120 ff.), что *potestas* и *auctoritas* принцепса по старым меркам выходили далеко за пределы республиканской практики и ставили под вопрос «общее дело» в его старом республиканском понимании; однако второе поколение после гражданских войн и битвы при Акции имело совсем иное представление о свободе, чем республиканцы старой закалки (ср. Tac. ann. 1, 3, 7). Под «свободой» теперь понимали безопасную мирную жизнь, а не возможности свободного политического самовыражения. И все же речи о *res publica restituta* не были совсем бессмысленными.

Даже по своим внешним признакам государство и при Августе оставалось «республикой» (ср. Tac. ann. 1, 9, 5; 1, 3, 7); в основном сохранились и даже развивались старые общественные институты — но ведь еще при Цезаре *res publica* была лишь названием без содержания и формы (ср. Suet. Iul. 77; Gelzer, *Staat I*, 23). Но и в другом, более глубоком смысле августовский принципат можно считать восстановлением *res publica*: «*Res publica* обозначает не только форму правления, но, прежде всего, цель правления» (Wirzubski, 121; пер. с англ.). Эта цель государства обосновывается в самом слове: государство должно быть *res publica*, общим делом, т. е. воплощением интересов всех граждан — аспект, который, согласно *Historia Augusta* (Spart. Hadr. 8, 3), называл своей политической целью и Адриан. Критерием для использования термина *res publica* в императорскую эпоху является не образ старой республики, а сравнение с *regnum*, прямой противоположностью *res publica*, поскольку *regnum* представляет собой неограниченную деспотию и превращает государство в *res privata* правителя, а граждан — в подданных. Если в таком контексте вспомнить, что Август не был ни *rex* (в значении «деспот»), ни диктатором с неограниченными правами, что его правление базировалось на конституционных и ограниченных правах (пусть даже особых), то можно понять и принять его «республиканскую» терминологию. При нем граждане оставались свободными членами *res publica*, управляемой принцепсом в ее же, а не в его интересах. «Способ управления государством изменился, однако цель управления осталась прежней» (Wirzubski, 122). Поэтому корректно «рассматривать Римскую империю во время принципата Августа как один из возможных вариантов республики (*a res publica not the res publica*), в которой существовала *libertas*» (Wirzubski, 122; пер. с англ.).

Можно, конечно, предположить, что какие-то оппозиционные круги осознавали, что принципат не был *res publica* старого стиля. Этим объясняется стремление сената восстановить *res publica* после убийства Калигулы (подтверждение в Wirzubski 126, A3). Виршубски не оценивает эту борьбу республиканской оппозиции против власти императора в рамках противопоставления *res publica/regnum*; это скорее спор двух различных аспектов *libertas*, в том числе и *res publica*. «Первый связан с идеей о том, что закон, основной гарант всех прав и свобод, которые имел гражданин Римской республики, обладает наивысшей си-

На мой взгляд, мне удалось доказать, что наличие в государстве царя⁸⁶ не исключает его *ipso* термина *res publica*⁸⁷; определяющим служит сохранение характера *res populi*. Главным доказательством⁸⁸ является конец третьей книги *De re publica*. «Вслед за тем как было доказано, что несправедливые государства — это вообще не государства⁸⁹, Сципион после лакуны⁹⁰ в сохранившемся тексте пытается продемонстрировать, что три правильные формы дей-

лой; второй основывался на принципе всеобщего участия в управлении государством» (пер. с англ.).

⁸⁶ Разумеется, наличие абсолютного монарха восточного типа делает невозможным употребление термина *res publica*, потому что такой монарх не кто иной, как тиран; ср. Meyer, *Staatsgedanke*, 237 и выше прим. 37, с. 183; Lombardi, *Concetti*, 196, N2.

⁸⁷ Вполне справедливо утверждение Коли, *Regnum, SDHI 17, 1951, 17 f.*, что античные авторы избегают понятий *populus* и *res publica* в связи с *reges*. Официальный язык римских государственных договоров и его отголоски у историков различают, как правило, *reges* и *civitates* (или *populi*).

⁸⁸ Майер (*Eumusia*, 46) обосновывает свое утверждение «единоличное правление отрицает... существование *res publica*», ссылаясь на *Cic. Rep. 3, 43 слл.*, но его тезис является, на мой взгляд, слишком рискованным. Бюхнер (*Büchner-Hofmann, Latein. Literatur und Sprache in der Forschung seit 1937, Bern, 1951, 68, A1*) тоже пользуется этой формулировкой.

В качестве еще одного доказательства моего тезиса упомяну еще раз (ср. выше с. 186–187) пассаж 1, 42 (ср. Hackelsberger, *Staatslehre Cic.*, 26), где постоянно варьируются отдельные обозначения государства, но вся конструкция (в которой впервые перечисляются три возможные формы *res publica*) объединена понятием *status rei publicae*.

⁸⁹ Ср. об этом выше с. 193. В то же время было бы упрощением утверждать, будто резкий тон, в котором Цицерон отказывает тирании, олигархии и охлократии в праве именоваться *res publica*, дает нам представление о техническом употреблении *res publica*. С другой стороны — и это относится ко всем терминам в трактате Цицерона о государстве — не так уж важно, строго ли придерживается Цицерон в остальных своих сочинениях такого технического словоупотребления и прибегает ли к конкретным выражениям только тогда, когда они точно соответствуют своему определению. Ср. Lombardi, *Concetti*, 208: «Естественно и неудивительно, что в других местах Цицерон использует выражение *res publica* в значении “политической организации”, в том числе и там, где понастоящему не идет речь о народе (*populus*). Это неизбежное обобщение понятия в языковом обиходе» (пер. с ит.).

⁹⁰ В пер. 3, 43–45 выродившиеся формы чистых принципов отвергаются как не соответствующие определению *res publica*. Между параграфами 45 и 46, в котором рассмотрение «правильных» типов государства доходит уже до аристократии (миновал монархию), имеется лакуна размером примерно в 56 строк по тойбнеровскому изданию.

1. Res publica

[RES-PUBLICA]

ствительно являются государствами»⁹¹. К сожалению, обсуждение монархии утеряно полностью; 3, 46 относится к аристократии⁹²: [ut de optimatibus fere eadem]⁹³ dici possint, cur illa sit res publica resque populi, quae sunt dicta de regno ([почти то же самое] может быть сказано [об оптиматах], что было сказано о царской власти — почему их правление является *res publica* и делом народа). Таким образом, и аристократия, и царство являются видами *res publica* в их качестве *res populi*. В случае царства отождествление с *res publica* все же за-

⁹¹ Büchner, rep.-Üb., 293 к 3, 46; в том же духе Sontheimer, rep.-Üb., A92 и Atzert, rep.-Üb., 99. Ср. также изложение третьей книги Августина, в котором три чистых формы государства также отчетливо представлены как формы *res publica*: atque ex illis suis definitionibus colligit (sc. Scipio) tunc esse rem publicam, id est rem populi, cum bene ac iuste geritur sive ab uno rege sive a paucis optimatibus sive ab universo populo (и он (т. е. Сципион) из этих своих определений делает вывод, что *res publica*, то есть дело народа, существует тогда, когда оно хорошо и справедливо управляется или одним царем, или немногими аристократами, или всем народом) (т. н. Argumentum Augustini; Ziegler, rep.-Ausgabe, 81, Z. 16 ff.; Augustin, civ. 2, 21, 35–66).

В 3, 46 трудно понять оборот *genus vitiosissimae rei publicae* (под самого порочного *res publica*), который относится, вероятно, к *liber populus*, т. е. к демократии, причем в своей невыродившейся форме (наименование в 3, 48 — *popularis res publica*). *Vitiosissimae* должно указывать на то, что даже чистая форма *res publica*, а именно демократия, ощущается как некое вырождение идеи подлинной *res publica*, воплощенной в смешанной форме государственного устройства. Мы видим здесь высказывание еще более резкое, чем для охлократии (3, 45: venio nunc ad tertium genus illud, in quo esse videbuntur fortasse angustiae (теперь я перехожу к третьему роду, в котором, кажется, будут трудности)). Май (комментарий к указ. месту) пытается избежать фатальных последствий *vitiosissimae* для теории демократии, относя это предложение к охлократии. Но, на мой взгляд, контекст этого не допускает. Швамборн (rep.-Komm. z. St.) объясняет такое дополнение принципиальным неприятием демократии в кругу Сципиона и ссылается на 1, 42; 1, 66 ff; 3, 45; 3, 47 (под лозунгом «аверсии»). Однако параллели неудовлетворительны; 3, 45 и 1, 66 ff. относятся явно не к демократии, а к охлократии. Бюхнер (Studien II, 113, A77) защищает приведенное выше объяснение, указывая на то, что такое прилагательное перед одной из чистых, правильных форм государства само по себе говорит о приоритете смешанной формы государственного устройства. Но это неудовлетворительное объяснение, несмотря на то, что я не вижу никакого иного убедительного решения этой проблемы. Я склонен скорее думать, что мы имеем дело с тенденциозной необъективностью Муммий, открытого врага демократии, которому и принадлежат эти слова; даже в чистой форме демократии он видит ростки охлократии (похоже у Pedroli, комментарий к указ. месту) <ср. также с. 215–216>.

⁹² Ср. также интерпретацию в работе E. Lepore, *Il princeps Ciceroniano e gli ideali politici della tarda repubblica*, Napoli, 1954, 269 sq.

⁹³ Начало восстановлено по Бюхнеру (Büchner, rep.-Üb., Einl., 292).

труднено: cum autem regis est facta mentio, occurrit animis rex etiam iniustus (3, 47) (чуть только упомянут царя, нам представляется царь несправедливый), то есть тиран, который несовместим с представлением о *res publica*. Поэтому необходимым условием для *regalis res publica* (3, 47)⁹⁴ является *rex iustus*: nos autem de iniusto rege⁹⁵ nihil loquimur nunc, cum de ipsa regali re publica quaerimus (3, 47) (теперь, исследуя вопрос о самом царском *res publica*, мы о несправедливом царе не говорим). То есть следует вспомнить таких царей, как Ромул, Нума или Сервий Туллий⁹⁶: fortasse non tam illius te rei publicae paenitebit (3, 47) (пожалуй, ты не будешь порицать такое *res publica*).

То, что Цицерон не приводит других примеров *regnum* = *res publica* кроме римского царского периода, совершенно естественно: все восточные цари были ничем не ограниченными правителями, неподконтрольными праву и закону, что несовместимо с идеей *res*

⁹⁴ Уже само это словосочетание является свидетельством республиканского (от *res publica*) характера *regnum* (ср. выше прим. 60, с. 192).

⁹⁵ При этом имеется в виду в первую очередь тиран Тарквиний Гордый. Именно его фигура стала причиной неприязненного отношения римлян (по крайней мере по описаниям писателей конца республиканской эпохи) к понятию *regnum* (ср. гер. 2, 52). В литературе конца республиканской эпохи он олицетворяет собой тирана как тип. Рядом с ним часто ставили таких узурпаторов, как Спурий Мелий, Спурий Кассий и Марк Манлий, имена которых стали практически «фирменным товаром» (Vogt, Cic. Glaube, 9). Даже в большой хвалебной речи Цициона о монархии всплывает напоминание о вырождении монархии в тиранию при Тарквинии (1, 62). «Можно предположить, что здесь мы имеем дело с осознанным намерением и художественной волей, потому что оно (напоминание. — Прим. перев.) отнюдь не предопределено общим ходом мыслей и даже мешает ему» (Büchner, Studien II, 73). То есть даже речь во славу монархии имеет свои «темные оттенки» (Büchner, 74). Иногда из этого делается вывод (на мой взгляд, ошибочный), что речь Цициона о монархии вовсе не является хвалебной (напр., Шур, ср. реферат у Рихарда Майстера, Der Staatslenker in Ciceros "De re publica", Wiener Studien 57, 1939, 99). Так или иначе, большой интерес представляет тот факт, что в этой речи не исчезает критика монархии демократами и аристократами, а плоскость государственно-правовой дискуссии заменяется философско-исторической аргументацией; ср. Hackelsberger, Staatslehre Cic., 83 f.

⁹⁶ Цицерон идеализирует их. И в хвалебной речи во славу монархии он называет Сервия Туллия [rex] *iustissimus* (1, 58). Именно тот факт, что в Риме всего лишь 400 лет назад «неверная интерпретация Бюхнера «в течение последних 400 лет» [Verfassung 88] представлена и в Studien II, 70, хотя она была исправлена во втором издании его перевода; правильными являются более поздние переводы», то есть относительно недавно, правила монархии (причем имеются в виду, разумеется, справедливые монархии), считается аргументом в пользу монархии.

publica. Но мне думается, что это в принципе не исключает, что императоры начала эпохи принципата могли по праву называть свое государство *res publica* в духе Цицерона. Свидетельством этого мне кажется фигура Кира в *De re publica*: государство (*res populi*)⁹⁷ этого *iustissimus sapientissimusque rex*⁹⁸ (самого справедливого и самого мудрого царя) представлено как не особенно заслуживающее подражания (1, 43); но, несмотря на опасность вырождения в тиранию, подобную Фаларидовой, такой царь, как Кир, остается *tolerabilis aut si voltis etiam amabilis* (1, 44)⁹⁹ (терпимым или, если хотите, даже стоящим любви); его государство также не может быть лишено *status rei publicae*. Именно оно приводится в качестве примера первого из трех «чистых» *genera rerum publicarum*.

Наряду с государством Кира упоминаются аристократия масилийцев и демократия афинян (1, 43): это тоже формы не самых образцовых, но все же приемлемых *res publica*. «Государственный» характер совершенно недвусмысленно приписывается жителям Родоса, хотя у них сенат и народ совпадали, что существенно отличало их государство от римского: на вопрос Сципиона: *Tibi tandem Spuri Rhodiorum ... nullane videtur esse res publica?* (наконец, разве тебе, Спурий, кажется, что у родосцев ... нет никакого *res publica*?) Спурий Муммий резко отвечает: *mihi vero videtur, et minime quidem vituperanda* (3, 48)¹⁰⁰ (по-моему, есть и оно меньше всего заслуживает порицания).

⁹⁷ Значение *res populi* = *res publica* здесь (1, 43) странным образом пересекается со значением *condicio populi*. Я все же хочу поддержать Бюхнера (перевод гер., с. 133) и Зонтхаймера (гер.-Üb, 43) в их споре с Атцертом, Вахтлером и Педроли (гер.-Komm. z. St.), придерживаясь варианта перевода «государство», а не «положение народа».

⁹⁸ Ср. выше прим. 96, с. 208 относительно *iustissimus*.

⁹⁹ Определение *amabilis* напоминает о ключевом слове монархии *caritas* (1, 54 f., ср. выше с. 198).

¹⁰⁰ Ср. также 2, 2: *Is (sc. Cato) dicere solebat ob hanc causam praestare nostrae civitatis statum ceteris civitatibus quod in illis singuli fuissent fere, quorum suam quisque rem publicam constituisset legibus atque institutis suis, ut Cretum Minos, Lacedaemoniorum Lycurgus, Atheniensium ... tum Draco ... tum Solo... nostra autem res publica non unius esset ingenio sed multorum... constituta* (он (т. е. Катон) обычно говорил, что предпочитает наше государственное устройство прочим по той причине, что там едва ли не отдельные люди устраивали свое *res publica* по собственным законам и установлениям; например, государство критян — Минос, спартанцев — Ликург, афинян... — то Драконт ... то

Я надеюсь, что такой интерпретацией важнейших фрагментов трактата Цицерона я опроверг утверждение Майера, что наряду с монархическими империями Востока¹⁰¹ «национальные сообщества народов и племен также не считались государствами, даже тогда, когда ими не управлял монарх, когда они были свободными» (Staatsgedanke 237). Я считаю, что мне удалось доказать, что термин *res publica* у Цицерона не был связан с каким-то определенным типом государственного устройства и не был предназначен исключительно для Рима, но мог применяться к любому государству, являвшемуся по сути своей *res populi*¹⁰².

2. R E G N U M

Уже в предыдущем разделе я постарался в первую очередь опровергнуть тезис о несовместимости *regnum*¹⁰³ и *res publica*. Я считаю, что мне удалось доказать, что по меньшей мере для технического

Солон ... а наше *res publica* устроено талантом не одного человека, а многих). Таким образом, «конституция» критского, спартанского и афинского государств является конституцией *res publica*. Этот фрагмент типичен для римского государственного мышления Цицерона: римское государство является суммарным выражением римской мощи, а не произведением отдельного законодателя.

¹⁰¹ Только для них верным является утверждение Майера (Staatsgedanke, 237): «Они воспринимались греками и римлянами не как "государства", а как владения монархов или еще какие-либо владения, потому что в них не было "государственной" жизни, делами этих империй управляла суверенная воля властителя без участия жителей этих империй».

¹⁰² Ср. также мнение Моммзена (St.-R. III, 3) об использовании слова *populus*: «Это слово используется применительно к римскому и любому другому государственному образованию, базирующемуся на определенной нации, которым могут управлять монархи или республиканские органы управления, в котором может иметься или отсутствовать город-центр» (о проблеме «нации» ср. выше с. 174, прим. 10).

¹⁰³ Всестороннее исследование понятия *regnum* недавно предпринял Уго Коли в своей работе SDH 17, 1951, 168 (ср. рецензию: W. Kunkel, ZRG, R. A. 72, 1955, 311 ff.). Однако эта работа носит не семасиологический характер, а посвящена в основном развитию государственно-правовой теории римской монархии. Поэтому я не могу заниматься здесь подробнее построениями Коли. В нашем контексте особого внимания заслуживает первая глава («La nozione di regnum», 6 sgg.), в которой Коли высказывается относительно более ранней литературы; в меньшей степени интересна вторая глава («Vero e falso nella tradiz-